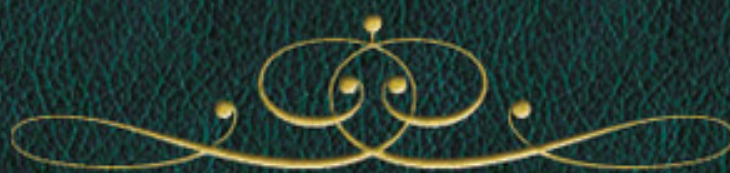

Лавров А.

РЕНЕГАТ

РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Россия державная

Александр Лавров

Ренегат

«Public Domain»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Лавров А.

Ренегат / А. Лавров — «Public Domain», — (Россия державная)

ISBN 978-5-501-00150-3

Александр Лавров – один из наиболее известных псевдонимов русского прозаика, журналиста, драматурга и стихотворца Александра Ивановича Красницкого (1866–1917). Став профессиональным журналистом, он работал практически во всех санкт-петербургских газетах и журналах. В 1892 г. Красницкий стал сотрудником издательства А. А. Каспари «Родина». Большая часть литературных работ писателя напечатана в изданиях Каспари и в приложениях к ним; кроме того, многие его произведения вышли отдельными изданиями у Сойкина, Девриена, Вольфа, Сытина. За весь период своего творчества Красницкий написал около 100 романов (в основном исторических), большое число рассказов, стихов, а также биографические очерки и примечания к Полным собраниям сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя, Никитина. Его пьесы «Генералиссимус Суворов» и «Ласковое телятко» с успехом шли на сцене Народного дома. Роман «Ренегат», публикуемый в данном томе, повествует о событиях, предшествующих началу русско-японской войны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00150-3

© Лавров А.
© Public Domain

Содержание

Часть I	6
1. Вместо пролога	6
2. Фриско	9
3. Ветром занесенные	12
4. Знакомство	15
5. Заманчивое предложение	18
6. Сближение	21
7. Туманный рассказ	25
8. На митинге	29
9. Под властью порыва	33
10. Новое знакомство	37
11. На борту «Наторигавы»	41
12. В игорном доме	45
13. В море	49
14. Предложение	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Лавров

Ренегат

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Часть I

На далекой чужбине

1. Вместо пролога

Двое суток бушует шторм.

Бешеные шквалы режут, свищут, воют, как сотни выпущенных из неведомых бездн чудовищ. Валы что горы – один другого выше, со слепой, безумной яростью гонятся друг за другом, наскакивают один на другой, грохочут, как гигантские пушки в отчаянном бою, разбиваются друг о друга, на миг покрываясь зеленовато-бурой пеной, и на миг рассыпаются среди тысяч мелких волн, чтобы через мгновение снова подняться над безднами новыми горами и опять бешено мчаться друг за другом...

Неба не видно. Его сплошь закрыли лохмотья сизо-серых туч, мчащихся по воле безумного ветра совсем низко над разбушевавшимся морем. Шквалы рвут эти грязные лохмотья в клочья и несут, несут неведомо куда, словно гордясь своей силой и потешаясь их бессилием...

Три ночи и два дня без перерыва бушует шторм... Заунывный вой, похожий на рев гигантских сирен, грохот сталкивающихся валов – все слилось вместе в хаотическую массу звуков. И сила шквала не у малывается, а растет. Море словно вступило в неистовую борьбу с небом и стремится хлестнуть в него, в его тучи своими валами, и тучи как будто рвутся к морю, чтобы засыпать его своими бесчисленными клочьями, слиться с ним в одном отчаянном, злобном, все сокрушающем объятии и навеки уничтожить эту могучую силу, доселе покорявшуюся только одной воле, воле человека...

Бесится шторм, все выше и выше вздымаются валы... Но что это чернеет на зеленоватой пене волн? Уж не обрывок ли тучи упал, сорвавшись под натиском бешеного шквала? Нет! На этих волнах виден плот, большой, связанный из десятков огромных деревьев плот, и положительно чудо, что шквалы не разорвали между ними скреп, не развеяли один по одному этих бревен, очутившихся в страшный шторм среди пучин свирепого Японского моря...

Плот носится по волнам туда, куда гонят его безумные шквалы. Иногда он, как волчок, кружится среди грохочущих валов. Водяные горы опрокидываются на него, поднимают его на свои вершины, низвергают в свои бездны, но плот все-таки держится среди этого хаоса, как будто знает, что вместе с ним погибнет нечто драгоценное – три человеческие жизни...

На плоту трое неподвижных людей. Они прикрутились к его бревнам веревками, и так крепко, что даже шквалы не могут оторвать их. Живы ли люди? Кто знает! Они неподвижны. Все трое лежат ничком; не слышно их голосов, не видно ни одного движения. Они как бы слились с этими бревнами, составили с ними нечто целое, и никакая стихийная сила не может разлучить их...

Живы ли несчастные? Кто знает!.. Нет, живы, живы! Если не все живы, то жив по крайней мере один из троих...

Внезапно среди дикого хаоса разбушевавшегося шторма настала тишина. Смолкли грохот, рев, жужжанье, гуденье. Не притомилось ли таившееся в морских безднах чудовище? Не обессилело ли оно в этой безумной борьбе? Или, быть может, кто-то всемогущий, всемогущий разом утишил слепую ярость стихий? Все смолкло! Не небо ли победило море? Лохмотья туч вдруг сдвинулись, слились в один непроницаемый покров; свет, вернее слабые отблески дневного света, сразу иссяк; сумрак разлился над морской пустыней... Что еще готовится новое? Или победитель небо последним ударом хочет доконать побежденное им море?..

Так и есть! Ослепительно-яркая молния прорезала покров туч и огненной змеей пробежала между них, скрывшись в пливших над морем громадах так же быстро, как и появилась она. И тотчас же сперва слабо дребезжащий, потом обратившийся в оглушительный грохот удар грома разразился, как залп тысячи невидимых пушек, над затихшим морем... Переливаясь, дребезжа, грохоча пронесся этот удар – и на мгновение опять все затихло.

Удар словно разбудил одного из несчастных на плоту. Лежавший неподвижно человек пошевелился, поднял голову и бессмысленным взором осмотрелся.

– Господи! – вырвался у него не то стон, не то жалобный вопль. – Заступи, спаси, помилуй нас!

Эти слова несчастный проговорил на чистом русском языке. Он даже попытался поднять руку, вероятно, для того, чтобы совершить крестное знамение, но донести ее до головы не мог, рука бессильно упала, приподнявшаяся было голова опустилась, человек замер опять в глубоком обмороке.

Раскат удалявшегося грома дребезжал уже далеко, но не успел еще он стихнуть совсем, как новый громовый удар с еще более ужасающей силой разразился над морем и вдруг вслед за ним хлынул ливень.

Словно скрытое доселе тучами море опрокинулось с поднебесной выси над разбушевавшимися валами. Ливень шел сплошной стеной. Будто два огромных водовместилища – земное и поднебесное – соединились теперь в одно, слились между собою в дружеском объятии, как два родных брата, слились – и затихли...

Да, затихли...

Огненные змеи-молнии еще кое-где резали тучи, но блеск их уже не был ослепительно-ярок. Громовые раскаты звучали все глуше и глуше, лохмотья и обрывки туч расплывались во все стороны, словно тая в ливне; уже была видна синева далекого неба, и вдруг откуда-то прорезался и заиграл, словно улыбка радостных небес, солнечный луч...

Буря уносила в ливне, море стихало, водяные горы становились все ниже и ниже...

Плот на волнах уже не кружило и не кидало, движения его стали более равномерны, утлая неповоротливая махина скользила по волнам, подгоняемая ими куда-то, к каким-то берегам...

Умчался и ливень. Он сделал свое дело: укротил ярость морских бездн. Наступила тишь, с неба лились уже потоки лучей, даль вся так и засеребрилась под ними.

Люди на плоту лежали неподвижно. Даже тот, который поднимал голову, и тот не двинулся ни единым членом, хотя глаза его, будто в последнем напряженном борении, то открывались на мгновение, то опять смыкались...

Он был жив, этот несчастный... Но зачем была ему жизнь?

Смерть зорко сторожила его. Безумная стихия не погубила этого человека, но лишь затем, чтобы головой выдать его на муки еще более горшие, чем те, что были пережиты.

Смерть для него была невыразимым счастьем в сравнении с тем, что теперь сулила ему жизнь. Мертвецы не страдают, они не чувствуют ни голода, ни жажды, ни отчаяния. У уцелевшего несчастного все это было впереди. Кругом была вода, но ни одной каплей ее он не мог бы утолить жажду; в воде хранились огромные запасы пищи, а нечем было бы вытащить на плот даже самую ничтожную рыбу. Море не безбрежно, где-нибудь да есть у него берега, но где? Ближко? Далеко? Откуда было знать это бедняге? Голод, жажда, отчаяние уже стерегли его. Муки страшные, ни с чем не сравнимые поджидали только того мгновения, когда к несчастному возвратится сознание.

Но прежде физических мук несчастного поджидал еще ужас: один среди беспредельного моря с двумя мертвецами! Один без всякой надежды на спасение! Действительно, смерть являлась для уцелевшего бедняка величайшим благом...

Однако жизнь не хотела покинуть измученное, обессиленное тело. Тяжело приподнимались веки, и мутные глаза страдальца устремились удивленным взором в синевшее над ним небо... Возвращалось сознание, начинались адские мучения...

2. Фриско

Сердито рокоча, плещутся волны Великого океана у западного побережья американского материка... Рокот их не ласковый, не кроткий... Словно сердятся эти мутные валы, что две цепи могучих великанов-гор преградили им путь и не дают им воли кинуться в глубину этой суши, где копошатся эти всемогущие черви-люди, ничтожные, жалкие, бессильные, но сумевшие одною только мощью своего разума покорить себе и свою мать-родительницу – землю, и беспредельного титана – море, и все сокрушающий ветер, и далекие полные всяких тайн небеса...

Две горные цепи, вернее, горная гряда Сьерра-дель-Монте-Диабло, а за ней горная цепь – Сьерра-Невада заграждают сушу от Тихого океана вблизи знаменитого, на весь мир прославленного Калифорнийского полуострова.

Калифорния – страна золота. Недавно еще минуло время, когда сюда хлынули авантюристы всего мира, жаждавшие быстрого обогащения. Каким-то путем создалась легенда, что стоит только явиться в Калифорнию, как сейчас же золото и в виде песка, и в виде громадных самородков само набьется в карманы счастливыхчиков. Много, много людей приманила в этот благодатный край сулившая все блага мира легенда. И легенда оправдывалась, блестяще оправдывалась. В Калифорнии обогащались...

Однако обогатившиеся счастливики помалкивали, что счастье улыбалось лишь единицам, тогда как сотни гибли, принося сами себя в жертву заманчивой легенде...

Но как бы то ни было, край быстро заселялся и быстро расцветал... Людей всегда манит красивый мираж. Жаждущие наживы кинулись в Калифорнию за золотом и не обратили внимания, что и без золота эта страна сама по себе – золотое дно.

Прекрасный климат, плодороднейшая в мире почва, густейшие леса, полные всякой дичи, океан с его неистощимыми водными богатствами, наконец, самое расположение как раз напротив только что пробуждавшейся от векового сна Японии и всего восточного побережья Азии – все это делало эту страну и без золота богатейшей на всем земном шаре.

Североамериканцы – большие практики. Они верно угадали, в чем именно заключаются истинные богатства Калифорнии. Когда охватившая было весь материк «золотая лихорадка» унялась, да и золото поистошилось в изрытой по всем направлениям почве, Калифорния не обратилась в пустыню, а расцвела еще пышнее, стала еще богаче и народу в ней расселилось во много раз больше, чем было в то время, когда весь мир манило сюда лишь всесильное золото.

Время пышного расцвета длилось и длится даже до сих пор. Жалкие рыбацьи поселки на побережье океана, едва заметные у подножия великанов-гор, быстро обратились в великолепные города. Всюду зацвела высшая культура, рельсовый путь соединил берега Тихого океана с берегом Атлантического. Старый Нью-Йорк, смотревший со своей равнины в сторону Европы, протянул руку молодому, пылкому Фриско, зорко смотревшему на все, что делается среди желтолицых азиатов Китая, Японии и... в беспредельных русских пустынях, на берегах Охотского и Японского морей.

Фриско – так зовут американцы ради сокращения столицу американского Запада, «Неаполь Тихого океана» – Сан-Франциско, залегший по обеим сторонам одноименного с ним заливчика у подножия Сьерра-дель-Монте-Диабло, или прибрежной цепи.

В практической, не гонящейся ни за какой красотой Америке нет города красивее Сан-Франциско. От самой воды он поднимается квадратами по пологим надбрежным высотам. По квадратам, взбирающимся все выше и выше, видно, как наслаивался этот город-скороспелка. Улицы его прямы и правильны, но местами, чтобы устроить дороги, выступы гор срезаны и дома здесь висят ярусами один над другим. Пышность, великолепие, пестрота строений, сочетание в них изящества с полнейшим безвкусием свидетельствуют, что в создании этого города

участвовали самые разнообразные по духу люди. Толпа на улицах самая разнообразная. Здесь как будто азиатский Восток сошелся с далеким европейским Западом, с неграми черного материка. На главной улице Франциско Корни-стрит целый день толпятся, снуют, гуляют, кричат, смеются и длинноносые китайцы со своими словно застывшими физиономиями, и степенные, все высматривающие, во все вникающие желтолицые японцы с физиономиями, похожими на плохо испеченный русский блин, запачканный руками нечистоплотной кухарки: здесь и каштаново-красноватые индийцы, и их могущественные повелители – важные, спесивые, всегда надутые сыны туманного Альбиона; здесь и стройные красавцы из Мексики, из центральных республик, из Чили, Перу, Боливии, Аргентины. Эти полудикие потомки завоевателя Кортеса и его свирепых воинов резко выделяются среди пестрой толпы своей красотой, изяществом манер, гордым, независимым видом, живописностью своих костюмов, хотя бы это были просто лохмотья. Иногда среди них мелькают монументальные фигуры пришедших с севера, из Канады, скваттеров, неустрашимых охотников по пушному зверю, последних потомков первых пионеров Европы в девственных лесах Северной Америки. Здоровые, мускулистые, словно из стали вылитые молодцы, широколицые, бородатые, медлительные в движениях, они производят впечатление богатырей, явившихся посмотреть, что делается на белом свете, давно ими покинутом. Иногда среди них появится американец, горбоносый, с медно-красным лицом, с жесткими волосами, в которые непременно воткнуто какое-нибудь перо. Американец также величаво медлителен в своих движениях. Он не забыл и забыть не может, что весь этот край, пока в нем не явились «бледнолицые», принадлежал ему, что он свободно охотился в беспредельных прериях, бродил в девственных лесах. Все это сгнуло потому, что Великий Дух – владыка всего, он повелевает всем, с ним ли бороться его слабым детям? И американец со спокойствием философа покорился своей участи. Он без злобы, но с презрением смотрит на худошавых, подвижных, наглых янки, захвативших у него землю; американец вымирает без слез, без жалоб, уничтожаемый алкоголем с большей скоростью, чем уничтожило его прежде, несколько десятков лет тому назад, оружие его врагов-пришельцев. Янки тоже сравнительно редок на улицах Фриско. Этот продукт своеобразной североамериканской культуры изобилует на востоке, у вод Атлантики; здесь же, на западе, он тоже пришелец, но тем не менее он и здесь чувствует себя, как дома. Южноамериканцы все изысканно вежливы, безукоризненно корректны даже в ссоре, грозящей смертью; янки самодоволен, груб, бесцеремонен. Он идет и сталкивает, сбивает с ног тех, кто попадает ему на пути; никакая брань у него на вороту не виснет, а если ему надоест слушать ее, то у него всегда есть в кармане револьвер, заряженный на все гнезда. Но, несмотря на все эти недостатки, янки – человек изумительной энергии. Это дитя, за которым никогда не ходила нянька, и он, выросши на свободе, сам умеет справляться с жизнью и подчинять ее своей воле. Он борец, и борец неутомимый; потому-то янки симпатичен, симпатичнее, пожалуй, корректных, но коварных, лукавых, хитрых и лживых своих земляков с юга. Для янки закон один: «я хочу – я могу», и все делается так, как ему угодно. Негры, эти пасынки американской свободы, ирландцы, вечно полупьяные, вечно носящиеся с идеей независимости своей жалкой родины, матросы всех национальностей с бесчисленных кораблей-пароходов, стоящих в заливе у «Золотых ворот», красивые, удивительно сохранившие все особенности славянского типа поляки и не менее их сохранившие свой тип евреи дополняют пеструю толпу, кишашую с утра до ночи на улицах Фриско. Все здесь весело оживлены, все чувствуют себя вполне свободными. Здесь ведь нет миллионов всяких неприложимых в жизни циркуляров, обязательных постановлений и пр.; здесь городские не учат профессоров правилам вежливости и благочиния; здесь все свободно и жизнь кипит, цветет и человек счастлив и близок к совершенству. Вечно голубое небо, благодатная прохлада с океана, умеряющая жар и зной, благоухание лесов, окружающих Фриско и с севера, и с востока, усугубляет общее довольство...

Но что это? Крик, брань, да еще какая! Русская!.. Откуда?

Толпа на мгновение стихла и опрометью бросилась к месту, откуда доносились крики...

3. Ветром занесенные

Кричал, находясь, очевидно, в сильно возбужденном состоянии, действительно русский человек. Это был среднего роста, сутуловатый, кряжистый, с добродушным красивым лицом парень, одетый, как одеваются в России зажиточные мещане: в неуклюжий, плохо сидевший пиджак, брюки навыпуск и кругленькую шапочку-татарку. Он был не один в этой весело гоготавшей вокруг него толпе. Около него стоял, стараясь его успокоить, товарищ, высокий, тоже молодой блондин с интеллигентным лицом и мягкими манерами, одетый, хотя так же просто, но более прилично и к лицу.

– Да перестань же ты, Василий, – с нетерпеливой досадой говорил блондин.

– Как это можно перестать, Андрей Николаевич? Как можно перестать, ежели я собственной моей законной справедливости добиваюсь?

И вдруг, подняв голову кверху и закатив под лоб глаза, Василий необыкновенно сочно, словно это доставляло ему величайшее удовольствие, воскликнул:

– Гор-о-о-до-вой! Кар-а-а-ул!

Крик его был непонятен толпе, вид курьезен, кругом раздался взрыв смеха.

– Говорят тебе, перестань! – сердился Андрей Николаевич. – Как не стыдно! Все смотрят, смеются...

– Пусть их! – махнул рукой Василий.

– Как это пусть? Здесь не мать Рассея...

– То-то вот оно самое, Андрей Николаевич, и есть, что не мать Рассея, мать Рассея, мать рассейская земля! – возразил Василий. – Ни на грош переломленный порядок и благочиния... Спихнул меня какой-то американец паршивый с панели, мозоли отдал и хоть бы что! Я городского кличу, а он себе идет своей дорогой, как будто так и следует. Даже и «пardon» не сказал!.. Разве так можно? Разве это – общественная тишина и порядок? То ли дело у нас... Ежели ты одет барином – иди где хочешь, хоть по первой улице Песков, хоть по Коломне, хоть по Колченогой улице в Гавани – все тихо, вежливо, все дорогу уступают... А почему? А потому, что везде у нас оные городские расставлены. Стоят себе на посту, семечки шелушат и порядок наблюдают... Чуть что – сейчас честью попросят не безобразить: одному – по зубам, другому – под дыхание, третьему – в ухо, что ли, к примеру сказать, и общественный порядок мигом восстановлен; а если ты недоволен и с прокестом каким-нибудь там обратишься: шебаршить, стало быть, учнешь, так и в участок за милую душу сволокут, прокестуй, значит, так на свободе в пьяной камере, а не то за решеткой! Вот это я понимаю! Я хотя и рабочий человек, а что есть свобода, мне известно... У нас, брат, на Обуховом-то заводе, народ ученой, всякую тонкость в политике прошли и на всякий дипломатический манер судить можем... А то свобода! Нет, пусть меня, Ваську Иванова, спросят про это, так я им расскажу...

Парень говорил все это быстро, сопровождая свои слова отчаянной жестикуляцией. Говоря, он обращался то в одну, то в другую сторону, указывал рукой на толпу, ударял себя кулаком в грудь и в довершение ни с того ни сего снял свою шапочку и принялся раскланиваться направо и налево.

Его, конечно, не понимали. Тем не менее собравшаяся толпа внимательно прислушивалась к вылетающим непонятным звукам, стараясь сообразить, в чем тут дело.

– Этот человек произносит речь! – важно проговорил оборванный загорелый золотоискатель из Калифорнии, кутаясь в лохмотья своего плаща. – Но кто он? Какой это язык?

– Я долго плавал в северных водах, – ответил ему сосед, низкий, приземистый моряк с обветрившимся серым лицом, – и могу поклясться, что он говорит по-русски.

– По-русски? – удивился калифорниец. – Россия, русские, – это где-то там далеко, не то у полюса, не то за Клондайком... страна бояр и белых медведей!

– Что он говорит, я не понимаю, – продолжал моряк, – я слышу только знакомые звуки, но, очевидно, он жалуется... Ведь русским плохо живется на своей родине... О, да, это – правда! Однако они уходят.

Действительно, недовольный вниманием, какое выказала толпа его говорливому товарищу, Андрей Николаевич нетерпеливо махнув рукой, пошел вперед.

Заметив это, Василий Иванов немедленно последовал за ним.

– Андрей Николаевич, а, Андрей Николаевич! – кричал он, размахивая на ходу руками, как ветряная мельница крыльями. – Да погодите же вы меня-то! Ведь вам хорошо, вы вон какой тощий да поджарый, а я – что шар на курьих ножках... Андрей Николаевич! Господин Контов!..

– Слушайте, Иванов, – остановился и обернулся к нему его молодой товарищ, – даю вам честное слово, что я вас брошу, если вы не перестанете гаерничать...

– Ну, бросьте, бросьте меня! – притворно захныкал Василий. – И что из оно, выражаясь по-питерски деликатно, впоследствии? Я погибну во цвете юных лет и вдали от родины, а вы... вы влюбитесь в какую-нибудь канашечку из здешних и повеситесь у нее на белоснежной шейке... Вы посмотрите, сколько их здесь... У-у... зимбобошки! – обернулся и потянулся Иванов в сторону толпы, среди которой виднелись смазливые женские личики. – Глазами-то так вот и стреляют, словно на Петропавловской крепости пушки в полдень... Взгляните, вон та чернявочка, – бесцеремонно указал он пальцем.

– Ну, вот шут гороховый, – засмеялся Контов, – на вас и сердиться нельзя...

– Нельзя, родной мой, вот, ей-боженьки, нельзя! Уж хотя бы потому, что, пока вы меня слушали, я вас без вреда для собственного здоровья догнать успел... Что? Чем я не дипломат?

Теперь они пошли рядом.

Контов был по-прежнему сдержанно серьезен, а Иванов продолжал болтать без умолку:

– Нет, вы только посудите, Андрей Николаевич, разве это так можно? Идем мы чинно, благородно и вдруг долой с панели... Можно или нет? А?

– Стало быть, можно, если так вышло... Каждому здесь время дорого, а вы идете – ворон считаете...

– Каких же ворон? – обиделся Василий. – Нешто здесь есть вороны? Ворона – птица российская... Ей здесь быть не полагается...

– Перестаньте!.. Точно вас первый раз с панели столкнули... Кажется, в Нью-Йорке не то еще бывало... Прямо под ноги лошадям летали...

– Так то в Нью-Йорке! Там все толкаются, и мужчины, и бабы – все... Там, значит, таковое толкательство, можно сказать, законом установлено... А здесь... Тряслись мы, тряслись на их машине-попрыгунье: и под облака на горы взбирались, и в пропасти по рельсам съезжали – все претерпел... Чего лучше? Сказано: «Претерпевы до конца спасется!». Приехали, гляжу – господи ты боже мой! – куда это я попал?.. Ежели по грязи судить – совсем Россия, а по народу – столпотворение вавилонское: и белые, и серые, и красные, и черные... самоварного цвета даже есть... желтые!

– Да что вы мне, Иванов, об этом говорите? – перебил его Контов. – Какой мне интерес вас слушать, когда я и сам все это вижу?

– Душу, миленький Андрей Николаевич, отвожу, душу, родной вы мой, вот что!.. А вы спросить мне дозволяете... так, вопросик маленький...

– Спрашивайте...

– Что? И на дашине такое же озорство будет?..

– На каком дашине? Что за дашин?

– Ну, как его там, по-ихнему-то? Васин, петин, дашин, машин...

– Митинг?..

– Вот, вот! Он самый – митинг! И я-то что – дашин! Откуда взял... Так на митине эти самые американцы так же озоровать будут?

– А уж я этого не знаю! – усмехнулся Контов. – Думаю, что собрание себя будет вести прилично... Шум, конечно, может выйти...

– Так, так! Ну а теперь дозволейте вас спросить, что от нас этой образине надобно?

– Какой образине?

– Да вон той, что за нами по пятам следует... С утра, подлый, не отстаёт.

Андрей Николаевич быстро обернулся. Улица, в которую они свернули с главной улицы Корни, была широка и красива, но малолюдная. Контов сейчас же заметил в некотором отдалении позади себя низкорослого господина, одетого по-европейски, но с желтоватым оттенком кожи на лице и руках. Скошенные книзу, к переносью, узкие, как щелки, глаза, черные и несколько блестящие, приплюснутый нос со слегка приподнятыми ноздрями, мясистые, красные губы длинного рта, а главное – заметно выдававшиеся под глазами скулы прежде всего обличали в нем азиата, а затем давали возможность без ошибки сказать, что это – японец.

Японец нисколько не скрывал того, что следит за обоими русскими. По крайней мере хотя он и остановился, как только перестали идти Контов и Иванов, но смело и непринужденно устремил на них свой взгляд и даже улыбнулся, когда увидел, что Андрей Николаевич смотрит на него.

– Плюнуть разве ему в физиономию? – громко воскликнул неукротимый Иванов. – Или милостыньку подать?

– За что? Ведь этот человек не делает нам ничего худого!

– А зачем смотрит?.. Ишь, буркалы-то... Словно у змеи-гадюки.

– Оставьте его, Иванов, не обращайтесь внимания, если он вам не нравится.

Однако толстяк-парень не унимался и шел, что-то ворча себе под нос. Впрочем, и эта воркотня, и все его грубоватые выходки носили отпечаток несомненного добродушия. Пожалуй, он нисколько и не сердился, а просто, видя себя предметом внимания, ударился в столь свойственное всем вообще русакам балагурство, которым они любят прикрывать свое смущение.

Смущаться, конечно, было от чего. Новые места, новые люди, новая жизнь – все было и дико, и ново. Все было так необычно, так разнилось от того, к чему привыкал с малолетства Иванов, что каждая случайность и поражала, и угнетала его. Притом же Василий Иванов совершенно не знал английского языка и был уверен, что и по-русски никто не знает здесь. Последним, пожалуй, более всего и объяснялась его развязность. Иванов балагурил, паясничал и был вполне доволен эффектом, какой производили его шутовство и никому не понятные речи.

Японец, следовавший за русскими, был тих и спокоен. Однако это преследование не то чтобы раздражало Василия Иванова, а скорее подзадоривало его к новым и новым выходкам, от которых его еле-еле сдерживал его молодой, но более спокойный товарищ.

– И чего ходить? – ворчал Василий. – Что, на нас узоры разноцветные нарисованы или нос выше лба вырос?

Иванов остановился и, дав Контову время несколько пройти вперед, вдруг круто повернулся и, шагнув к японцу, спросил по-русски:

– Вам, собственно говоря, что от нас надобно?

Однако смутить своего преследователя ему не удалось... Японец вежливо приподнял шляпу и произнес по-русски:

– Я имею честь говорить с господином Ивановым из Санкт-Петербурга?

4. Знакомство

Иванов с минуту стоял, неестественно выпучив глаза на улыбавшегося прямо в лицо ему японца, видимо, очень довольного произведенным им эффектом. Наконец, смущение, изумление и даже испуг начали проходить.

– Вы, господин хороший, – обрел вновь дар слова Василий Иванович, – кто же такой?

Японец приподнял шляпу и вкрадчивым голосом произнес:

– К вашим услугам: Аррао Куманджеро, негоциант.

– Так, так! – погладил свою бородку Иванов. – А что же вам, собственно говоря, угодно?

– Только иметь счастье познакомиться с вами.

– Ну, уж и счастье! – смутился русский рабочий.

– Именно счастье! – подтвердил японец. – Вы, то есть, собственно, вы и ваш товарищ – русские и притом еще недавно из России. Здесь, во Фриско, если есть русские, то большей частью грубые, полупьяные матросы.

– Мы от них тоже не бог весть как далеко ушли, – пробормотал Иванов.

Куманджеро заулыбался во весь свой широкий рот.

– Что вы, что вы! – замахал он руками. – Я знаю Россию, я часто бывал на вашем северо-востоке; подолгу жил во всех крупных торговых технико-заводских центрах и привык любить все русское. Я уважаю русских людей, как своих соотечественников.

– Ой ли! – воскликнул Иванов и поманил Контова: – Андрей Николаевич, а, Андрей Николаевич!

Контов, издали наблюдавший за этой сценой, поспешил подойти.

– Вот послушайте-ка, что выходит. Я-то бесновался, я-то гневался, а вот они совсем по-хорошему познакомиться с нами желают и говорят, что мать Рассею обожают до крайности!

Пока он с поспешностью выбрасывал одно за другим эти слова, Контов и Куманджеро познакомились.

Теперь они все трое образовали на пустынной улице прибрежного города странную, резко бросающуюся в глаза группу. Высокий, статный, с красивым румяным лицом Контов составлял поразительный контраст с маленьким, сутуловатым желтолицым Куманджеро, смотревшим на него снизу вверх с подобострастно заискивающей улыбкой. Рядом с ним широколицый, почти безбровый, с гунявыми, похожими на кудель волосами, кряжистый, с широкими плечами, высокой грудью, несоразмерно длинными руками и короткими ногами Иванов выглядел, как дополнение к общему их карикатурному виду.

– Вы не сердитесь на мою назойливость! – ласково продолжал говорить на хорошем русском языке Куманджеро. – Она объясняется лишь чувством радости при виде любезных моему сердцу русских людей.

– Благодарю вас, – коротко и в достаточной мере сухо ответил Контов, – но чему мы обязаны тем, что обратили на себя столь лестное ваше внимание?

– О, – воскликнул японец, – это объясняется очень просто: тем, что мы живем под одной и той же кровлей, то есть в одной и той же гостинице.

– Но я вас до сегодняшнего утра никогда не видал! – пожал плечами Андрей Николаевич.

– В этом ничего не может быть удивительного, – возразил Куманджеро, – так как я приехал с востока только сегодня ночью.

– Вы из Нью-Йорка?

– Нью-Йорк, Бостон, Новый Орлеан, вообще северо-восток и юго-восток – вот мои пункты... И везде русские, в особенности недавно приехавшие из России, редки. Живущих же здесь подолгу я не могу считать за русских... О, ваш народ чрезвычайно склонен к ассимиляции. Немец, попадая в Штаты, остается немцем, француз – французом; национальность

заметна даже в их детях, родившихся уже здесь, и разве третье поколение превращается в янки, но русский, русский...

– Что русский?

– Через три, четыре, много – пять лет русского не отличить от природного янки... Замечательный народ – ваши компатриоты!

– Это не утешительно! – заметил Андрей Николаевич.

– Я констатирую факт... Поляки, литовцы, чехи, вообще славяне, даже ваши малороссиане, держатся дольше... О, я уже сделал выводы из своих наблюдений!

– И, конечно, прискорбные для нас, русских?

– Нет, несколько... Может быть, несколько своеобразные – это да...

– Господа хорошие! – вмешался, перебивая их, Иванов. – Мы здесь, в Америке, без году неделя и, стало быть, в американов пока не обратились, а остались, как были, русаками.

– И что же из сего следует? – заулыбался в его сторону Куманджеро.

– Из сего следует, что ради первого знакомства необходимо выпить и закусить, и потом оный маневр повторить.

Контов недовольно поморщился.

– Да, да, да! – словно восковая фигура из бродячего музея диковинок, закивал головой японец. – Это будет очень хорошо! Мне это милое предложение так напоминает Россию...

– Да уже там, раз кто знакомится, без этого никак нельзя, – объявил Иванов, – сам не пьешь, так все-таки выставить должен: угощайтесь, дескать, милые друзья, на доброе здоровье!

– Это очень добрая, милая привычка, свидетельствующая о добродушии. Ничто не вызывает так дружбы, как доброе вино! – ответил японец. – И я приемлю на себя смелость предложить, господа, позавтракать вместе.

Японец с самой убеждающей улыбкой на своем желтом лице протянул обоим русским свои руки.

– Дело доброе! – воскликнул Иванов. – Мы, русские, от хлеба-соли не отказываемся!

– А вы? – обратился Куманджеро к Контову, умоляюще смотря на него.

– Я тоже не прочь! – согласился и тот, добродушно улыбнувшись.

– Прекрасно! – обрадовался японец. – Идемте же, господа. Но посмотрите, однако, что за чудный вид открывается пред вами!

Действительно, перед ними была величественная картина. Беспредельной водной пустыней стлался, серебрясь своею гладью на лучах солнца, океан. Даль была ясна до того, что были видны тянувшиеся чуть заметными струйками дымки пароходов. В гавани вырос целый лес мачт собравшихся в тихую, покойную пристань кораблей; около них, как тысячи трудолюбивых муравьев, и на берегу, на бесчисленных грузовых шлюпках, перевозивших товары, суетились рабочие и матросы. Было что-то живое, что-то величественное, подавляющее в этой картине, и не только Контов невольно любовался ею, но даже далеко не чувствительный к красотам природы Василий Иванов пришел в восторг.

– А, право! – воскликнул он. – Ежели у нас, в Питере, да из Чекуш на взморье смотреть, так и то не лучше будет!

Но кто пришел и в восторг, и в умиление, так это – Куманджеро.

– Там, – воскликнул он в упоении, протягивая вперед свою руку, – там, за этим океаном, лежит моя родина, мой Ниппон... О, как полна моя душа ею!.. Родина, милая родина! Чувствуешь ли ты, как бьется любовью к тебе сердце твоего сына?.. Все тебе, тебе одной: каждый помысел, каждый вздох... Кровь до последней капли, жизнь до последнего вздоха – все тебе, тебе одной!

– Вы – патриот, господин Куманджеро! – заметил Андрей Николаевич.

– Мы все такие! – словно пробуждаясь от забытья, ответил японец, – Тем и могуча наша страна, что все ее дети безумно любят ее, свою великую мать.

- Неужели же все? – с чуть заметным оттенком недоверия в голосе спросил Контов.
- Все! – резко отчеканил Куманджеро. – Божественный микадо и самый жалкий из нищих готовы на все ради своей страны... на все жертвы...
- Ну, пожалуй, эта ваша очень похвальная любовь скоро растает!
- Почему?
- Японец строго посмотрел на Андрея Николаевича.
- Европейские влияния... Космополитизм, ну и прочее, и прочее...
- Куманджеро тихо засмеялся.
- Пойдемте, господа, позавтракать, – сказал он, – а за мою родину не бойтесь. Европейские влияния нам не страшны, наш народ слишком умен, чтобы не знать их цены...

5. Заманчивое предложение

Контову не понравился такой ответ их знакомого. В душе молодого русского скользнуло какое-то странное чувство; не то ему стало досадно на этого обезьяноподобного человека, не то он позавидовал ему. Андрею Николаевичу вспомнилась покинутая родина, и вдруг бесконечно дороги, милы стали ему и серовато-мглистое русское небо, и беспредельный, но унылый русский простор, и бедные жалкие деревушки с их детски-наивными, с детски-чистыми сердцем обитателями, и города с напыщенно-жалкой так называемой «интеллигенцией». Все это вдруг стало ему так дорого, мило, что, если бы каким-нибудь волшебством из-под земли пред молодым человеком вырос типичный держиморда, русский околоточный, или не уступающий ему в профессиональных доблестях урядник, Андрей Николаевич не задумался бы кинуться к ним с объятиями и расцеловать их...

Увы! Все это оставалось далеко, далеко... Водная пустыня Атлантического океана и целый материк отделяли все это от русского человека, заброшенного не столько волею судьбы, сколько своею собственной прихотью в чужой край...

Андрей Николаевич, несколько поотставший, взглянул на шедших впереди него Иванова и японца. Казалось, эти люди сразу сдружились. Слышен был их оживленный разговор, прерываемый то вспылками смеха, то отдельными восклицаниями. Они шли под руку и не обращали внимания на Контова, предоставляя его самому себе. Андрей Николаевич был отчасти рад этому. Он чувствовал необходимость поразобраться в мыслях, вызванных столь внезапным знакомством с японцем. Что-то подсказывало молодому русскому, что это знакомство вовсе не случайность и вовсе не вызвано любовью Куманджеро к России. Вместе с тем и подозревать что-либо Андрей Николаевич тоже не мог. Мысли его двоились, троились, дробились, и ни одна из них не приводила к какому-либо определенному выводу, в конце концов Контов решил только наблюдать и вывести заключение лишь тогда, когда в достаточной мере накопится наблюдений.

«Это все сказывается Русь-матушка во мне! – думал он. – Ведь у нас, русских, все так: кто с нами вежлив, деликатен, обращается по-человечески, ни в карман, ни в физиономию не залезает, тот, стало быть, скрывает что-нибудь... Так у нас всегда... Только и чувствуем мы, русаки, доверие к тому, кто нас покрепче придавить может... Врожденное это... наследственное и веками воспитанное!»

Молодой человек сердился на себя и в то же время чувствовал, что никак не может подавить чувство невольного недоверия к японцу. Он завидовал своему товарищу, очевидно, не испытывавшему ничего такого, что могло бы смущать его покой.

Иванов между тем успел с болтовни перейти и на более серьезную тему.

– Странствуем мы с Андреем Николаевичем, – рассказывал он Куманджеро, – быдто у нас своего угла нет! Быдто ветром нас каким кидает из стороны в сторону. Разные края объездили, где только не побывали, себя не показали, людей не посмотрели!

– Это удивительно! – восклицал японец. – Насколько я замечал, у вас, русских, вовсе не развита страсть к путешествиям. Вот англичане – о, те да!

– И диво бы у нас капитала было много, – продолжал Иванов, – а то насчет этого самого презренного металла, откровенно говоря, в одном кармане заря загорается, а в другом – уж смеркается...

– О-о, – протянул Куманджеро, – я думал, напротив...

– Чего там, напротив! – не удержался от каламбура веселый толстяк. – Ни напротив, ни позади – ничегошеньки...

– Может быть, вы нуждаетесь в деньгах? – перебил его японец.

Иванов опешил, хотя этот вопрос был предложен ему самым серьезным, деловым тоном.

– В деньгах? – пробормотал он. – Нет...

– Или, может быть, в работе?

– Гм! – оправился парень от замешательства. – От работы не отказались бы...

Куманджери ничего не ответил на это признание.

– Скажите, – тихо и серьезно спросил он, – что заставило вас покинуть вашу родину?

Политика?

– Политика? – переспросил недоуменно Иванов. – Какая политика?

– Я знаю, что в России не дозволяется никому из русских обсуждать внутренние дела своей родины и высказывать протест против того, что в этих делах замечается неправильного. Может быть, вы и ваш товарищ протестовали, активно или пассивно – это все равно, – и должны были во избежание строгой кары за это покинуть свое отечество?.. Я прошу вас сказать мне это, но если вы не пожелаете ответить, то я настаивать и не буду! Так? Ошибся я или нет?

– Понял, понял, про что вы! – замахал на японца руками Иванов. – Нет, от этого бог миловал... Ни в чем таком ни Андрей Николаевич, ни я не замешаны... То есть синя пятнышка на нас нет и пачпорта наши в строжайшем порядке... Другое тут... Хуже!

– Что же? – так и наострил уши японец, готовясь выслушать признание.

– Хуже, говорю! – повторил Иванов. – Как тут и сказать – не знаю...

Он оглянулся и посмотрел на шагавшего порядочно далеко от них Контова.

– Андрей-то Николаевич мой, – склоняясь к самому уху японца, зашептал он.

– Что? Что? – вытянулся тот на цыпочках.

– Влюбимшись он – вот что! – выпалил Иванов и отпрянул.

– Влюбимшись? Любить? – с новым явным недоумением проговорил Куманджери и поспешил перевести этот русский глагол на все известные ему языки: – Любить – aimer, lieben! Да, да! Понимаю... Это болезнь, которой нередко страдают европейцы... Любить! Да, я понимаю теперь...

– Вот именно, что страдают! – подхватил его выражение Иванов. – Только ты, мил человек, – вдруг перешел он на фамильярность, – слышь, Андрею Николаевичу о том, что я тебе сказал, ни гу-гу! Понял?

– О, конечно! – улыбнулся Куманджери. – Это сердечная тайна, и постороннее вмешательство в нее не деликатно.

– То-то! Зачем парня обижать! Он, Андрей-то Николаевич, господин Контов, хороший... Ты, душа, не смотри, что он такой сумрачный; это у него от любовной дури, а не будь оной – так такой миляга.

– Неужели это было причиной того, что вы покинули родину?

В голосе японца прямо звучало недоверие.

– Только и всего. Тебе чего же еще больше хотелось? Эта, брат, любовная дурь как наскочит да заберет, только держись наше мужское сословие. Ежели кто попроще – вот как я, – так тот сейчас в трактир «под машину»: «Прислужающий! Полбарыни с красной головкой и на закуску бутерброд с ветчиной да еще пару пива „Старой Баварии”. – Ну, зальешь это душу казенной да пивным лачком покроешь – оно и легче. Сейчас безобразить пойдешь. «Под шары» угодишь – и дурь, и обиду как рукой снимет. А у них, у бар-то, не так. У них все по-благородному! – Иванов склонился опять к уху своего желтолицего собеседника и зашептал: – Как Андрею-то Николаевичу папаша с мамашей евойного предмета нос натянули и карету подали, так он стреляться хотел... Насилу я его отговорил... Зачем местному участку беспокойство причинять? Им это тоже не по нраву... Ну, унял кое-как, а то пострадал бы парень!

Японец вряд ли понимал всю эту своеобразную тираду своего собеседника, но тем не менее слушал внимательно, изредка покачивая головой.

– Мы с ним, как говорится, молочные братья, – продолжал разоткровенничавшийся Иванов, – моя matka его своим молоком кормила и меня вместе с ним... Тут, брат-япоша, одно такое дело есть, о коем я тебе впоследствии расскажу, ежели мы знакомы будем...

– Будем, непременно будем! – закивал головою, как фарфоровый болванчик, Куманджеро. – Я вам предложу одно дело потом.

– Спасибо. От чего другого, а от дела прочь не побежим.

– Скажите, ведь вы отсюда в Нагасаки собрались?

– А ты уже и знаешь?

– Знаю... У вас и билеты уже на пароход до Нагасаки взяты, я справлялся!

– Эх тебя любопытство проняло! С чего бы, кажись?

– Я уже говорил, что люблю русских... При всем том я говорил, что я негоциант, а теперь прибавлю, что я арматор. Мои пароходы ходят и во Владивосток, и в Чемульпо, и в Дальний, и в Порт-Артур, и в Чифу, и в Шанхай. О, у меня очень много пароходов!

– Так что же ты хочешь-то? К чему желаешь приспособить нас?

Теперь Иванов был вполне серьезен, хотя и не оставил своего фамильярного обращения с японцем.

– Мне хотелось бы, – отвечал Куманджеро, – чтобы у меня в каком-нибудь русском порту был свой доверенный человек.

– Понимаю: приказчик?

– Не совсем так... нет, нет, только не приказчик!

– Кто же тогда? Доверенный? Ну, конечно же, приказчик...

Куманджеро отрицательно качал головой.

– Я не знаю такого русского слова, которое точно и ясно передало бы мою мысль... Мне нужно, чтобы такой человек, которому я верю, наблюдал за всем, за моими контрагентами и комиссионерами, поверял бы их.

– Контролер! – воскликнул Иванов.

– Вот нужное мне слово! – воскликнул японец. – Контролер... да, да! Наблюдал бы за всем, и не только за тем, как торгуют мои агенты, но и за тем, что нужно в указанном мною месте, какой товар скорее пойдет. Вот вы представьте себе, в ваш Порт-Артур ожидают прибытия нового полка, сейчас вы меня – конечно, секретно – уведомляете об этом, я запасаюсь всем, что может пригодиться прибывшим войскам: сукно для мундиров и шинелей, пуговиц, да мало ли что! Я узнаю это, посылаю пароход со всем, что необходимо. Русским не нужно хлопотать, искать, выписывать из России. У них все является как бы само собою, я же получаю торговый процент. Что? Я делюсь с моим, как вы назвали, контролером своею прибылью, кроме которой я назначаю хорошее жалованье ему. Видите, тут несомненная выгода для всех: и для ваших соотечественников, и для вас, если мои предложения будут приняты, и для меня. Что? Что вы скажете?

– Заманчиво! – ответил простодушный Иванов. – Деньжищ тут можно кучи загребать, а торговля – дело чистое. Это, значит, говоря по-нашему, вы своим конкурентам ножку задумали подставить?

Куманджеро приторно заулыбался в ответ.

6. Сближение

Позади послышались торопливые шаги нагонявшего их Контова.

– Я попрошу вас, – шепнул японец Иванову, – пока ничего не говорите вашему товарищу из того, что я сказал, пусть пока все это будет между нами.

– Ладно, ладно! – быстро ответил ему тот. – Умрет в глубине моей души, а там видно будет.

В это время их нагнал Андрей Николаевич.

– Вы, господа, кажется, стали неразлучными друзьями? – улыбаясь, сказал он.

– О да! – согласился Куманджеро. – Ваш друг – такой милый человек.

– И между вами, несмотря на короткое знакомство, завелись уже секреты?

На лице Куманджеро ясно отразилось беспокойство.

– Почему вы так думаете? – спросил он, пытливо устремляя свой взор на Контова.

– Я видел, как вы шептались... вот сейчас и несколько ранее...

Куманджеро захихикал, но мелко, рассыпчато, делано.

– А, вот вы про что! – проговорил он. – В этот секрет мы можем посвятить и вас... Видите ли, «тайны Фриско» показались интересными вашему другу, он меня и спрашивал о них.

– Тайны? Какие еще?

– Ну, ну... У каждого большого города есть свои тайны, и ваш друг в достаточной степени молод, чтобы интересоваться ими.

– Вот вы про что!.. Ну, Вася, – обратился Контов к Иванову. – Не ожидал, признаюсь откровенно, от тебя такой прыти!

Василий Иванович виновато потупился.

– В Нью-Йорке он был совсем скромн... Да что ты прячешь глаза-то?

– Господа, – засуетился японец, – беседуя, мы прошли наш путь совершенно незаметно. Вот наш отель... поспешим...

Они были около довольно трущобного вида двухэтажного дома, над которым развевался какой-то фантастического соединения цветов и фигур флаг. С улицы дом казался совершенно пустым, но, когда русские и японец, взойдя на крыльцо, прошли в темноватый и грязный зал, где в разных углах дремали двое слуг-негров, перед ними, как из-под земли, вырос толстый, неряшливо одетый человек, хозяин этой трущобы, и с заметным немецким акцентом проговорил:

– Иностранцы, я вижу, вы хорошо погуляли, поэтому вам следует выпить.

– Благодарю вас, – вежливо ответил за всех Куманджеро, – мы непременно последуем вашему совету, но не откажемся, если вы предложите нам позавтракать.

– Если у вас есть деньги, чтобы заплатить за кусок мяса, превосходно изжаренного в собственном соку, – последовал ответ, – то вы можете не сомневаться, что я с большим удовольствием предложу вам его.

Контов посмотрел на говорившего с негодованием.

– Мы, кажется, платили вам за все, что требовали, – воскликнул он, – и не давали повода сомневаться в нашей порядочности.

– Иностранец! – хладнокровно ответил трактирщик. – Я третий день вижу ваше лицо, но ни одной минуты не видел, чтобы вы работали. Кто не работает, тот не имеет денег, а что вы – не капиталист, за это я готов прозакладывать голову. Я прав был, предупреждая вас. Таков обычай. Мы в свободной стране, и никто не посмеет заставить свободного гражданина не говорить того, что он желает.

– Мы вполне соглашаемся с вами, – поспешил вмешаться Куманджеро, заметив, что глаза Контова загорелись гневом, – мои друзья...

– Они русские, это я знаю! Я знаю, что такое Россия, и сегодня пойду непременно на митинг, где будут говорить о России и русских, но до этого я подам вам мясо, ибо вы сказали, что у вас есть деньги.

Последние слова трактирщик проговорил уже в пространство. Куманджеро увлек к столу Андрея Николаевича и Иванова, не понявшего разговора на английском языке.

– Не гневайтесь на него! – умиротворяющим голосом убеждал японец Контова. – Этот митинг всем здесь вскружил головы.

– Я буду на нем! – справляясь с раздражением, ответил Андрей Николаевич.

– Не советую! – махнул рукой японец.

– Почему?

– В Штатах всюду существует предубеждение против вашего отечества. На митинге будут говорить о событии в Кишиневе, – с некоторой запинкой произнес название злополучного города Куманджеро, – вы рискуете услышать много неприятного для своего национального самолюбия.

– Тем более причин идти мне туда! – воскликнул Контов.

– Вероятно, я выразился неясно... Вы меня не поняли...

– Нет, понял! Вы дали мне понять, что на митинге, о котором я уже слышал и на который собирался еще до встречи с вами, будут говорить про мою родину всякие гадости... В качестве русского я должен опровергнуть их...

– Ага, и вы патриот! – вскричал Куманджеро.

– Если желание правды – патриотизм, то да.

Они замолчали. Весь этот короткий разговор происходил между ними по-английски, и Василий Иванович опять принужден был сидеть молча.

– А ты, Вася, как? – прервал молчание Контов. – Со мной на митинг?

– Это, Андрей Николаевич, в каком же смысле? – удивился Иванов.

– Да вот господин Куманджеро объявил, что ты собираешься куда-то с ним...

– Пустяки! – пробормотал Василий Иванов. – Мало ли что говорится!

– Как ты хочешь, я тебя не держу, – продолжал Андрей Николаевич. – Тебе будет скучно, ведь ты ничего не поймешь...

– Зато погляжу, что это за митинг такой!

– Соберутся разные люди, – вмешался в их разговор японец, – и будут говорить о том, чего не знают... Ведь в сущности что могут знать здесь о вашей родине? Только то, что пишут в газетах... В газетах же всегда преувеличения, часто нелепости, и вот, приняв такие газетные сообщения за неопровержимую правду, и будут делать из них выводы... каждый свое...

– Что же? Это хорошо! – усмехнулся Андрей Николаевич.

– Несомненно. Право человека высказывать то, что он думает, и я уверен, что ораторы будут искренни. Но, – пожал плечами японец, – я предпочел бы, чтобы почва для речей была более твердая. Во всяком случае у нас никто не станет говорить о том, чего не знает, или по крайней мере в чем не убежден.

– Оставим-ка это! – уже весело воскликнул успокоившийся Контов. – Вон сам хозяин несет дымящееся блюдо... Я уверен, что мясо и в самом деле превосходно и в особенности после такой прогулки, какую сделали мы с моим другом.

Трактирщик, очевидно, переменявший свое мнение о посетителях, сам поставил блюдо на стол. Слуги-негры уже принесли жестяные стаканчики, можжевелевую водку, воду к ней и стояли в почтительных позах у стола.

– Господи, благослови! – первым начал Иванов.

Он, не разбавляя можжевелевой водки водою, налил стаканчик до краев, выпил залпом, молодецки крякнул и произнес:

– Дымком малость попахивает, а впрочем, ничего: для нашего брата заводского как раз в раз!

– Он пьет виски без воды! – не то с испугом, не то с изумлением восклицал трактирщик. Негры тоже издавали какие-то восклицания.

Контов и японец отказались от напитка, но Иванов повторил прием и поспешил налить еще третий стаканчик.

– Так по душам насквозь пошло! – объявил он. – Но что этот американец на меня уставился? Узоров, кажись, на мне нет.

– Он удивляется, что ты пьешь виски без воды, – пояснил ему Контов.

– А зачем вода?

– Здесь все так пьют. Они считают виски крепчайшим спиртным напитком.

– Ну и пусть их считают! Наша казенка лучше, да и покрепче, пожалуй! Ну-ка, без троицы дом не строится, – опрокинул Иванов в рот и третий стакан.

– О, варвар! – пробормотал трактирщик. – Он еще жив, он еще не умер!

– Это он что же? – по тону понял Иванов смысл восклицания. – Дивится?

– Да... Он удивляется, что вы живы после такого огромного приема! – объяснил ему Куманджеро. – Сегодня вечером здесь много будет разговоров про вас.

– Пусть поговорят! – со снисходительной небрежностью ответил Иванов. – У нас от этого не убудет... Еще, что ли, выпить? Пусть американцы видят, какова мать Рассея, мать рассейская земля.

– Оставь, Вася, – отодвинул виски Контов, – довольно... Нехорошо, если напьешься...

– Я-то напьюсь? – запротестовал Иванов. – Да никогда в жизни...

– Все-таки оставь! Мне вот мысль в голову пришла поговорить с господином Куманджеро.

– В таком разе и в самом деле довольно... Говорите, Андрей Николаевич, только уже понашенски... а то залопочете по-английскому, и сиди, как сова, глаза выпуча, ничегошеньки не разумея...

Контов не слушал его и повернулся к обратившемуся в слух японцу.

– Раз мы познакомились, господин Куманджеро, – заговорил он, улыбаясь, – то я не буду скрывать, что рад случаю, сведшему нас...

– И я также очень благодарен ему! – поклонился Куманджеро.

– Не будем обмениваться комплиментами... Мы знакомы часа два, не более, а у меня уже есть на вас виды... и немалые.

Куманджеро весь насторожился.

– Я весь к вашим услугам, – опять склонился он, – все, что в моих силах...

– Видите, я с тем и приехал сюда, в Сан-Франциско, чтобы перебраться на ваши острова...

– Удивляюсь, зачем вы избрали путь через океан, когда ваше правительство построило прекрасную железную дорогу?

– У меня были свои причины... Суть не в том... Скажите, господин Куманджеро, в вашем отечестве живут русские?

– Русские? Конечно... Очень много...

– Я спрашиваю не о тех, которые наезжают к вам как путешественники, негоцианты, дипломаты... Мне хотелось бы знать, есть в Японии переселенцы из России... ну, понимаете, в силу чего-нибудь им пришлось уйти из своего отечества, бежать, что ли... вот они поселились у вас, приняли ваше подданство...

– Понимаю, – серьезно ответил японец, – есть и такие... и немало их... Знаете, к нам близок Сахалин, наше прежнее достояние, недалеко и ваша Восточная Сибирь... У многих, кто

попал туда не по своей охоте, есть стремление покинуть эти края... Но нет, назад им возврата быть не может. Вы о таких ваших земляках спрашиваете?

– Вот, вот! Именно о таких...

– Есть они, и очень много, в изобилии... Один из ваших таких переселенцев к нам был у нас в числе правительства и принес много пользы Японии. Японский народ свято чтит его память. Потом предместье Нагасаки – Иноса – все заселено акклиматизировавшимися в моей стране русскими выходцами. В этом местечке вы даже редко наш язык услышите – все говорят по-русски... Почему вас это интересует?

– Я сейчас расскажу вам одну историю, – ответил Контов, – история правдивая, и, выслушав ее, вы поймете мое любопытство...

7. Туманный рассказ

– Опять за старые бредни принялись! – пробормотал Иванов при последних словах Андрея Николаевича.

– Молчи ты! – прикрикнул тот. – Иди спать лучше...

– Чего молчать? И сами вы встречному и поперечному историю-то эту расписываете... вчерашнего дня ищите...

– Василий!

В голосе Контова задрожали нотки гнева.

– Ладно, ладно! – поднялся тот с места. – И в самом деле, пойти всхрапнуть... – Он поискал глазами образ и, не найдя его, перекрестился, глядя в угол, а потом сказал, зевая: – Бог наплатил, никто не видал, а кто и видел, да не обидел... Пойду и такого храповицкого задам, что берегись, все американы и американихи!

– Славный парень, честный, добрый, – проговорил ему вслед Контов, – одна беда: груб, а потому иногда страшно надоедлив.

– О-о! Это ничего, это вполне понятно, – поспешил ответить японец. – Это сказывается непосредственность девственной природы... Но ваш рассказ?

– Вы не боитесь соскучиться после критических замечаний моего друга?

– Нет, нет... Я чувствую, что в вашем рассказе будет играть роль и моя страна!

– Да...

– Тогда мой интерес удваивается, утраивается, если хотите!

– Тогда я начинаю! – усмехнулся Контов и на минуту погрузился в молчание, как бы собираясь с мыслями.

Куманджиро воспользовался этим и, подзвав одного из прислуживавших негров, сказал ему несколько слов.

– Я знаю привычку русских, – обратился он к Контову, – пить во время разговора и приказал подать нам пива... японского пива! Его привозят сюда из Йокогамы, и здесь его умеют удивительно сохранять... Вот несут, несут любимейший напиток моего народа.

Негр поставил перед собеседниками большой глиняный кувшин и два жестяных стакана несколько большего размера, чем поданные для виски.

Японское пиво оказалось тепловатой мутной жидкостью, в которой плавали какие-то подозрительные сгустки. Контов пригубил стакан и, брезгливо поморщившись, оставил его.

– Видите ли, – заговорил он медленно, не глядя на своего собеседника, – вы говорили, что бывали в России...

– Да, да! В Санкт-Петербурге, в Риге, в Ревеле, в Москве, Лодзи, Одессе... о сибирских городах, о Порт-Артуре и Владивостоке я не говорю...

– Так что вы знаете, что Россия – страна своеобразная...

– Очень своеобразная, другой такой нет...

– Так вот по стране, и мы – народ своеобразный; большинство русских верит в справедливость, и не только в высшую – небесную, но имеет наивность верить и в земную справедливость... Потом еще мы как-то странно все обособлены и не питаем друг к другу ни малейшего доверия, а если случаются такие простак, то они жестоко платятся за то, что выделяются из общего правила... После этого маленького предисловия перехожу к рассказу. Лет двадцать пять тому назад в России, в Петербурге, жил некий простак, вот из той самой породы наивных людей, о которых я только что говорил. Честности он был идеальной, душа его была, как у нас говорят в России, кротости голубиной. При этом он был небогат, но и не беден; в довершение всего он был женат на красавице, которую любил без ума, без памяти... У них был ребенок, сын, – пояснил Контов с грустной улыбкой.

– Я что-то начинаю понимать, – задумчиво проговорил Куманджеро.

– Погодите немного!.. – остановил его Контов. – Как и огромное большинство в России, он был человек служащий на... скажем лучше, в одном коммерческом учреждении – все равно каком... У начальства своего он был на хорошем счету...

– Вы сказали – у начальства? – перебил Контова японец.

– Ну... у главы своего учреждения, у своего патрона! – раздраженно воскликнул Андрей Николаевич. – Это для моего рассказа безразлично... Дело в том, что жена простака, о котором я рассказываю, понравилась его патрону. Она оказалась... не буду ничего дурного говорить о ней!.. Она... она, как видно, не любила своего мужа... и... поощряла намерения... негодяя! – выкрикнул, задыхаясь, Контов.

– Не волнуйтесь! – протянул ему руку Куманджеро. – Ведь это было так давно.

– Что давно? – сурово посмотрел на него Андрей Николаевич.

– А случай, о котором вы рассказываете... не правда ли?

– Да, давно...

Контов провел рукою по волосам и продолжал более спокойно:

– Атаки этого человека на легкомысленную молодую женщину начались чуть ли не сразу после свадьбы мое... молодого супруга. Беременность молодой дамы не остановила их... О, тот человек, о котором я говорю, рассчитывал, что пока длится неудобное для любви состояние молодой дамы, он так или иначе успеет освободить ее от брачных уз... Начались придирки, притеснения... наконец, мо... этот служащий был обвинен в присвоении, вернее, в краже каз... то есть наличных сумм того учреждения, где он служил... Он был не повинен ни в чем... да его и не обвиняли, его только заподозрили... Жена воспользовалась этим и под влиянием советов и настояний своего будущего любовника с презрением отвернулась от мужа... от мужа и отца своего ребенка, тогда уже родившегося... Опозоренный, оставленный любимой женщиной, он узнал, какое хитросплетение было направлено против него, против его чести, его счастья... Он узнал, что его ребенок отброшен матерью, как щенок какой-нибудь, прочь – отдан в деревню, на грудь первой встречной бабе; он узнал, что женщина, на которую он молился, в которой не чаял души, ушла к своему любовнику и вступила с ним в открытую связь... Услужливые друзья, скорее подлые враги, словно нарочно, старались беречь страшную рану, дразнить на все лады изъязвленное самолюбие, осквернять своим мнимым участием тяжелое горе... Он пошел к своему оскорбителю...

– И убил его? – быстро спросил Куманджеро.

– Нет!..

– Напрасно... Зачем же он тогда к нему пошел?

– Шел он, чтобы убить его... Но для нас, европейцев...

– Позвольте, тот, о ком вы рассказываете, был русский?

– Да!.. Что же?

– Вы отделяйте русских от европейцев... Это совсем другой народ... Я предугадываю: у обиженного дрогнула рука?..

Контов кивнул головой в знак согласия.

– Ну, вот видите! У европейца, если бы он решился убить соперника, рука не дрогнула бы... А русские, русские... слишком добродушный народ.

– Желаете вы слушать? – мрачно спросил Контов. – Или позволите кончить?

– Простите, – спохватился Куманджеро, – я так сочувствую несчастному герою вашего рассказа, что невольно волнуюсь сам... Простите, прошу вас, продолжайте...

– Он, этот мой несчастный герой, ранил его, – усмехнулся при последнем слове Контов, – не легко ранил – пуля вышибла этому негодяю глаз. Последствия понятны: он был осужден, и тяжко осужден, ибо дело повернули так, что на суде вышло, будто мой герой мстил не за

свою поруганную честь, а из злобного чувства на начальника, открывшего его преступление... Пощады тут не дали... Доказана была и предумышленность преступления. Его сослали...

– Конечно, на Сахалин?

– Да... Что только должен был перенести этот человек!

– Действительно!.. А дальше что? Не думаю, чтобы здесь был конец рассказа.

– Он бежал. Я имею сведения, что он бежал не один, но с двумя или тремя товарищами.

Еще одно знаю: этот человек жив до сих пор.

– И это достоверные сведения?

– Думаю, что да... Видите ли, несчастный действительно заранее обдумал свой выстрел и все последствия его. Прежде чем совершить свою месть, он собрал все, что имел, все имущество обратил в деньги и отдал их одному старому испытанному другу, обязав его клятвой позаботиться о несчастном малютке. Тот свято исполнил все. Он воспитал мальчика, дал ему некоторое образование – словом, поставил на ноги, сделал человеком. Этот ребенок скоро остался, кстати сказать, круглым сиротой. Судьба, быть может, и в самом деле является мстительницей. Эта женщина отправилась вместе со своим раненым любовником за границу. В нескольких десятках верст от Петербурга произошло крушение поезда. Она погибла во время этой катастрофы. Смерть ее, говорили мне, была ужасна. Вся изломанная, истерзанная, обожженная, она умирала более суток...

– А ее возлюбленный?

Контов усмехнулся и произнес:

– Он уцелел...

– Сын, когда вырос, отомстил за отца? – спросил Куманджеро.

– Нет! – рассеянно протянул Андрей Николаевич. – Не отомстил... Его воспитатель скрывал тайну его родителей вплоть до своей смерти... Только умирая, он открыл ее своему воспитаннику... а он... он... Да, вы правы: мы, русские, не европейцы! Нас даже такое сильное чувство, как месть, не может захватить так, чтобы мы отдались ему всем своим существом. Сын не смог найти в себе озлобления к виновнику всех бед своего отца; этому есть особые причины... Не буду их касаться... Но вот что... Несчастный, о котором я вам говорю, жив и доселе... то есть был жив около года тому назад... Один из тех людей, с которыми он бежал с Сахалина, возвратился в Россию, но, конечно, в качестве натурализовавшегося американца. Давность покрыла его преступления, и он был хорошим другом человека, воспитавшего бедного ребенка. Я думаю, что он в этом случае только исполнял просьбу своего старого товарища и писал ему все, что удавалось узнать о сыне. Он умер за месяц, кажется, до смерти другого старика-воспитателя и передал ему письмо. Письмо было написано в туманных выражениях; из него можно было понять, что беглец с Сахалина живет не то в Соединенных Штатах, не то в вашей Японии; по некоторым выражениям можно судить, что последнее вернее. В Штатах этот человек вел коммерческие дела, ради которых и приезжал сюда, на материк.

– И молодой человек отправился отыскивать своего отца? – спросил Куманджеро.

Контов не успел ответить на этот вопрос.

С улицы, через широко раскрытые окна, к ним донесся оглушительный и беспорядочный бой барабанов, невыносимо нестройные звуки труб, крики и даже выстрелы.

– Это что? – вскочил Контов.

– О, не беспокойтесь, – остановил его Куманджеро, – это обычное здесь напоминание о митинге.

– Ах да! – вспомнил Андрей Николаевич. – Разве уже пора?

– А вы все-таки пойдете?

– Я уж так наметил себе...

– Не смею задерживать! – пожал плечами японец. – Но вы, кажется, хотели что-то спросить у меня?

– Я вам рассказал всю печальную историю в надежде, что вы, может быть, слышали уже ее, но теперь я уверен, что она вам неизвестна.

Куманджеро ответил не сразу.

– Вы завтра отправляетесь в мою страну, я тоже. Мы во всяком случае встретимся на пакетботе, и у нас будет достаточно времени поговорить обо всем... Если вы позволите, то на островах моей родины я буду вашим Вергилием¹.

– Благодарю, благодарю вас! – вскричал Контов.

– О, не благодарите! – скромно возразил японец. – Вспомните, что я человек коммерческий и главной целью жизни ставлю выгоду, а на вас я имею некоторые небескорыстные виды.

¹ Публий Вергилий Марон, знаменитый поэт Древнего Рима, жил с 70 по 19 год до н. э. Итальянский поэт Данте Алигьери в своем великом произведении «Божественная комедия» берет его, как мудрейшего человека, в путеводители в своем путешествии по аду.

8. На митинге

Барабаны, трубы и гомон раздались под самыми окнами кабачка. Андрей Николаевич подошел к окну и выглянул в него. Под окнами он увидел то, что в России обыкновенно называется «процессией». Двое рослых парней несли на длинных шестах флаги; впереди них бежала гурьба мальчишек и подростков, оглашая воздух неистовыми криками. Между флагами шли четверо негров – двое с барабанами, двое с трубами – и производили посредством своих инструментов невозможный шум. За ними следовала толпа всякого люда, очевидно, не знавшего, куда девать свое время.

У дверей гостиницы вся эта толпа с музыкантами во главе остановилась, и вперед выскочил высокий сухощавый янки в помятом цилиндре и сильно поношенном фраке, из-под которого был виден не менее грязный жилет со звездами вместо цветов на груди.

– Джентльмены! – хриплым, надорванным голосом заорал он. – Все на митинг! Спешите, спешите! Вам предстоит счастье услышать речи лучших ораторов Запада о некоторых событиях, одна весть о которых обледенила ужасом ваши кроткие сердца. Спешите, спешите! Вы можете высказывать свое мнение сами, вы присоедините и свои голоса к громовому протесту всех свободных граждан великой североамериканской унии. Спешите, спешите! Вы должны идти, это ваш святой долг, ваша священная обязанность. На митинг! На митинг!

Проорав все это одним духом, джентльмен в цилиндре махнул рукой неграм, и те сейчас же подняли свой прежний шум. Затем процессия повернула и пошла далее.

– О, чтобы их нелегкая растрепала! – услышал за собой Контов.

Он обернулся. Позади него стоял Иванов, заспанный, взлохмаченный, зевающий, сердитый.

– Проснулся, Вася? – ласково спросил его Андрей Николаевич.

– Уснешь разве? Только было хороший сон начал грезиться, а тут вот тебе и на!

Иванов совсем разворчался.

– Ну уж и страна, ну уж и хваленые американцы! Да у нас бы за эдакое нарушение общественной тишины всех на Казачий отправили... а тут хоть бы что... Как будто так и следует... А где же япошка? – спохватился он. – Сгинул, нечистая сила? Верно, тоже на митинг побег...

Куманджеро не было в зале кабачка, и Контов не слышал, как он ушел.

– Что, обманул он тебя? – засмеялся Андрей Николаевич.

– Оммануть не омманул, а все-таки как будто так и не следует...

– Увидитесь еще... на одном корабле поедем...

– Знаю, говорил он... А ведь какой привязчивый, желтая морда! Теперь что же, Андрей Николаевич, мы будем делать? Выпить разве да опять спать завалиться? Эй, прислужающий!

Негр понял, что хотел показать ему несколькими своеобразными жестами этот иностранец, и притащил виски.

Андрей Николаевич только плечами пожал, но не сказал ни слова. Он поспешил пройти в свою комнату и переменял костюм. Митинг интересовал его. В своих скитаниях по штатам Контов никогда не упускал случая побывать на таких собраниях.

Он воображал, что все они являются истым выражением гражданской свободы, упивался казавшимися ему необыкновенно смелыми речами ораторов и даже не замечал, что эти речи в огромном большинстве случаев состояли только из трескучих фраз, обильно приправленных патетической жестикуляцией. Перед тем как перебраться на американский материк, Контов побывал и в Берлине, и в Брюсселе, и в Париже, и в Лондоне. В берлинских пивных ему пришлось слышать ораторов социал-демократической партии, призывавших немецких рабочих к ожесточенной борьбе с капиталистами; в Брюсселе Контов бывал на сходках рабочих, совершенно спокойно обсуждавших условия еще предстоящих только стачек. На этих сходках мирно

говорили один после другого представители из рабочих и их хозяев-капиталистов. Крайние мнения как-то странно уживались друг подле друга, и Контов с удивлением поглядывал на полицейского инспектора, мирно похрапывавшего в то время, когда оратор с кафедры призывал свою аудиторию чуть ли не к террору. Собрания парижан поражали Контова обширностью поставленных на их обсуждение вопросов. Пылкие французы не ограничивались своими профессиональными или даже национальными интересами, а поднимали мировые вопросы и с восхитительной легкостью раздавали направо и налево то порицания, то одобрения могущественным государствам Европы.

В Лондоне Контову приходилось присутствовать на митингах под открытым небом. Здесь англичане поражали молодого русского своей крайней несдержанностью. Он привык думать, что островитяне Северного моря – самый корректный народ в мире, что ко всякому мнению они относятся с величайшим уважением, и вдруг ему пришлось увидеть, что в собраниях этого «корректного народа» наиболее убедительным аргументом частенько являются палки, камни, кулаки, пускаемые в ход тогда, когда не побеждает слово...

В северо-восточных штатах великой американской унии митинги отличались от английских лишь тем, что в качестве аргумента выставлялся нередко револьвер и выстрелы глушили выводы речей, негодных собранию ораторов.

Теперь Андрею Николаевичу предстояло побывать на митинге американского Запада.

Для Контова этот митинг представлялся особенно интересным потому, что на нем должны были обсуждаться некоторые внутренние русские дела.

«Что они могут здесь знать о нас, о нашей жизни? – размышлял не раз Контов. – Ведь Россия здесь для них вполне terra incognita². Даже в их учебниках географии, по которым учатся их дети, нагромождено столько нелепостей, что уши вянут... Читать можно только ради того, чтобы вдоволь посмеяться над несообразностями... И вдруг эти невежды, эти мнимокультурные люди собираются произносить свой приговор над Россией!»

Контову становилось и грустно, и смешно, когда он раздумывал на эту тему. Слова Куманджеро, отговаривавшего его от посещения митинга, только подзадорили Андрея Николаевича. Он решил идти и выслушать все, что будут говорить.

«Стерплю, смолчу, – думал он, – но все-таки хочу знать, в чем провинилась перед всеми этими господами моя родина!»

Наскоро умывшись и переодевшись, он спустился вниз.

Иванов не терял времени: как ни коротко было отсутствие Контова, а графинчик с виски был почти пуст.

– Эх! – сокрушенно махнул на него рукой Контов. – Оставайся ты лучше да спи!

– А что?

– Как что?.. Пьян...

– Я-то? Да разве я могу быть пьяным?

– Все-таки оставайся... еще на неприятность с тобой нарвешься...

Иванов помотал головою.

– Нет уж, я с вами! – не совсем твердым голосом возразил он. – Как я вас без своего глаза отпустить могу? Не ровен час, приключится что, а не то изобидят... Кто за вас заступится?

Контов, не слушая Василия, поспешил выйти из гостиницы. Иванов, допив оставшееся в графине, последовал за ним. Идти приходилось порядочно далеко – совсем в противоположную часть Сан-Франциско. Русские шли не торопясь, гуськом. Впереди шел Андрей Николаевич, старавшийся не обращать внимания на своего спутника, двигавшегося несколько поодаль за ним. Иванов шел твердо, не качаясь, но настроение его было самое радужное. Он всю дорогу бормотал себе под нос и даже принялся было петь русскую песню, но оборвал, вспомнив, что

² Неведомая земля.

хотя в Америке и полная свобода, но американские городские общественную тишину охраняют от всяких покушений на нее даже ретивее русских. Поэтому Иванов ограничился лишь тем, что по-русски выбрал вслух и свободу, и полицию, конечно, американскую, и вместо пения принялся бормотать сам с собой.

Так они дошли до обширной поляны, посреди которой стоял огромный деревянный балаган, расцвеченный множеством флагов и флажков. Перед балконом была поставлена эстрада, на которой поместилось несколько чернокожих трубачей и барабанщиков. Когда они кончали свой оглушительный концерт, на эстраде появлялся ходивший с ними по улицам долговязый парень в цилиндре и фраке и произносил коротенькую речь, в которой восхвалял ораторов митинга. У входа в балаган толпилось множество самого разнообразного люда: белые, цветные, черные. Все они страшно галдели, смеялись, гоготали, перекидываясь приветственными восклицаниями, бранились. Внутри балагана допускали за плату, правда, очень небольшую. Тем, кто платил, предоставлялось право сидеть на скамейках; когда все места были заняты, пускали уже без платы всех, кому только угодно было пройти. Контов, а за ним Иванов ухитрились, несмотря на страшную давку, пробраться в первый ряд и занять места на одной из передних скамеек. Прямо перед ними была устроена высокая эстрада, на которой стояли наскоро сколоченный из досок стол, а за ним такая же скамья. Это были места для президента и организаторов митинга, ораторов и особенно почетных посетителей.

Здесь Контов увидел людей, одетых чуть не в лохмотья. Только двое янки из северо-восточных штатов были одеты в сюртуки, наглухо застегнутые под самым подбородком, и в традиционные высокие, как труба, цилиндры. Кое-кого из остальных Контов знал или скорее видел в той гостинице, где он остановился в ожидании отхода пакетбота к берегам Японии. Тут были двое золотоискателей, про которых говорили, что они в Клондайке в несколько недель стали чуть не миллионерами и в несколько дней спустили свое богатство во всевозможных трущобах Фриско. Теперь они снова были бедняками, но это вовсе не мешало всему Фриско относиться к ним с уважением, ибо оба золотоискателя уже объявили о своем намерении возвратиться в Клондайк и найти там такое месторождение драгоценного металла, что новой добычи могло бы им хватить уже не на дни, а на недели веселой жизни. Последнее еще более возбуждало к ним почтение, ибо многие из коммерческих предпринимателей Фриско заранее были уверены, что большая часть добытого молодцами золота непременно попадет в их карманы.

Рядом с золотоискателями сидел за столом свирепого вида мужчина в шляпе с огромными полями. Это был один из богатейших гуртовщиков, сгонявший на бойни Фриско многие тысячи голов рогатого скота для отправки его на судах в разные уголки и Америки, и противоположной Азии. Далее сидели арматоры, то есть хозяева товарных пароходов, лесовщики, банкиры, держатели бесчисленных игорных домов рядом с пасторами и благочестивыми представителями религиозных общин. Все эти люди были между собой в наилучших отношениях. Их непринужденный хохот то и дело покрывал гул голосов. Они нещадно дымили сигарами и трубками. Около золотоискателей и гуртовщика стояли стаканы, из которых они то и дело прихлебывали, звучно смакуя каждый хлебок.

Они, эти богатые, не обращали ни на кого никакого внимания, и на них тоже никто не взглядывал. На скамейках разместились пастухи, золотоискатели, матросы, сплавщики леса, силачи-схваттеры – все пришлый люд в этом удивительном городе. Горожан не было заметно – они были, но они как-то затерялись в этой шумной, бесцеремонной толпе. Ни черных, ни медно-красных, ни китайцев совсем не было видно – эти прямо боялись появиться среди всегда враждебно настроенных против них белолицых. Однако Контов, оглядывая зал, заметил в первых рядах, совсем близко от себя, несколько японцев. Они были одеты очень чистенько, в европейское платье. Их манеры выдавали в них людей лучшего общества, чем собралось в балагане, а молодцеватая выправка, высоко поднятые головы, привычка держать руку у бедра прямо показывали, что эти люди принадлежат к числу военных. Трое из них были серьезные,

сосредоточенные пожилые люди, один типичный старик с безобразно изрытым оспою и опухлым лицом, а четверо – совсем молодежь, веселая, приветливая, с блестящими смехом, черными, как угли, глазами.

В числе последних Контова поразил один юноша. Ничего японского в чертах его лица не было, и только едва заметный желтоватый отлив кожи выдавал его происхождение. Юноша был высок ростом, широк в плечах, волосы на его голове были не жесткие, черные, торчащие щетиной кверху, а волнистые, русоватые, старательно расчесанные и приглаженные.

«Метис, наверное! – почему-то подумал Андрей Николаевич, разглядывая этого желтокожего юношу. – Европейская кровь так и брызжет под этой желтой кожей; что он – японец, это несомненно, что он военный, также... Вот с кем интересно бы познакомиться!»

Страшный гвалт перебил мысли Андрея Николаевича.

Митинг начинался.

Собранию предстояло выбрать председателя, и тут вдруг вспыхнули страсти. Одни голоса требовали председательского места для пастора, другие выкрикивали имена золотоискателей из Клондайка. Каждый выкрикивал своего кандидата, и собравшиеся никак не могли прийти к какому-нибудь соглашению. Разгоревшийся спор внезапно для всех разрешил гуртовщик. Он поднялся со своего места, энергично постучал по доскам стола рукояткою револьвера и голосом, каким он привык покрывать рев стада, заорал:

– Джентльмены! Вам нужен председатель, и вы не можете избрать его. Я предлагаю в председатели себя. Кто не согласен с моим предложением, прошу встать, и мой браунинг, – потряс гуртовщик револьвером, – моментально убедит, что по этому вопросу двух мнений быть не может!

Гвалт на мгновение стих, и вслед за тем вся эта бесновавшаяся толпа вдруг разразилась неистовыми рукоплесканиями. Бесцеремонная выходка понравилась всем этим людям, уважавшим в другом только смелость и силу. Единогласное избрание гуртовщика было обеспечено, и он, как ни в чем не бывало, занял пустовавшее дотоле председательское место.

Воцарилась тишина, митинг начался.

9. Под властью порыва

Как бывает всегда и со всяким началом, сперва митинг шел вяло. Ораторы не разошлись, вопросы не имели жгучего общего интереса. Первые речи слушали лишь немногие. Большинство громко, без всякого стеснения болтало; сигары дымились всюду, стук, шум, кашель не смолкали ни на мгновение.

Наконец наступили первые моменты оживления; один из ораторов сумел затронуть поставленный на обсуждение вопрос с такой стороны, что вызвал громкий свист одной части слушателей и рукоплескания другой. Он пообещал, когда все это кончится, и продолжал речь, оснащая ее весьма странными перлами американского красноречия. Когда нужно было подтвердить высказанное положение, а убедительных аргументов не хватало, он начинал клясться самыми страшными клятвами, желал самому себе, если он говорит неправду, провалиться сквозь все земные пласты и утонуть в лаве, кипящей в ядре земного шара. В его речи были места, сплошь состоявшие из клятв и пожеланий самому себе всяких бед. Такая манера выражаться, очевидно, нравилась слушателям, ибо гром аплодисментов встречал и провожал все эти перлы красноречия. Около Контова перешептывались о том, что митинг примет резолюцию в том смысле, какой предложит оратор, но совершенно непредвиденный случай вполне изменил течение мыслей всего собрания.

Случилось, что, как раз когда оратор самым медоточивым голосом и в самых привлекательных красках начал расписывать преимущество отстаиваемого им положения и собрание, увлеченное его ораторским искусством, слушало его затаив дыхание, вдруг, и как раз в самом патетическом месте речи, раздался богатырский храп. Трубоподобные звуки пронеслись, модулируя среди внезапно наступившей тишины (даже оратор смолк, услышав их). В следующий момент взрыв гомерического хохота, смешавшись с неистовыми рукоплесканиями, потряс стены балагана. Храп прекратился, и перед собранием появилась сутуловатая фигура сконфуженного Иванова. На русского добряка действовали выпитая можжевелевая водка, духота и непонятная ему речь. Последняя убаюкала Иванова, и он заснул, не будучи в силах бороться с дремотой...

Страшно сконфузившись, он не нашел ничего лучшего, как поскорее выбраться вон. Для этого ему нужно было пройти вдоль всего балагана. Василия Иванова нелегко было смутить, но на этот раз он и сам чувствовал себя в очень неловком положении. На него были устремлены сотни насмешливых взглядов. Рукоплескания и крики «браво» не смолкали. К ним присоединились и другие выражения внезапно овладевшей собранием веселости. В массе людей, наполнившей балаган, кто пел петухом, кто мяукал по-кошачьи, кто лаял собакой, блеял козую, ревел по-ослиному. Безумная веселость овладела даже теми, кто сидел на эстраде. Председатель-гуртовщик раскатисто хохотал, держась обеими руками за живот, соседи его – двое негров, стоявших на той же эстраде в ожидании приказаний, – тоже поддавшись общему настроению, принялись танцевать какой-то своеобразный танец. Контов готов был сквозь землю провалиться. Он и себя считал виновником всего этого «скандала», как он мысленно называл все происходившее, не зная, что подобного рода сцены происходят почти на каждом митинге пылких южан. Но еще более он смутился, когда Иванов, добавшись до дверей балагана, остановился, повернулся и, комически разведя руки в обе стороны, воскликнул по-русски:

- Уж не судите, господа честные: ничего тут не поделаешь... развезло!
- Чуждые звуки сразу вернули некоторую серьезность собравшимся.
- Кто он? Что он сказал? – раздалось со всех сторон восклицания.
- Это не по-немецки, – кричали с одной стороны.
- И не по-французски, и не по-итальянски, – отвечали кричавшим.
- Это, быть может, по-татарски? – крикнул кто-то из особенно догадливых.

– Это по-русски! – крикнул кто-то с передней скамьи, и, к своему удивлению, Андрей Николаевич увидел, что крикнувший был так понравившийся ему молодой японец.

– Русские, здесь русские! – сливаясь в общем крике, орала толпа. – Долой русских!

Гуртовщик опять захохотал своим револьвером по столу и только этим кое-как водворил относительную тишину.

– Джентльмены! – воскликнул он. – Угодно вам дослушать столь неожиданно прерванного оратора и постановить резолюцию?

– К черту его! – заревели в один голос все. – Он говорит так, что под его речи только спать можно! Пусть убирается! Пусть даст место другим.

– Тогда мы перейдем к другому, более важному вопросу! – объявил председатель.

Опять гром рукоплесканий покрыл это заявление, и неудачный оратор был принужден уступить свое место юркому человечку резко выраженного семитского типа. Этого оратора сменил другой – массивный англичанин с физиономией недокормленного бульдога, потом появились еще ораторы, и каждого из них толпа прерывала и провожала бессмысленно восторженным ревом, бурей криков, топаньем ног.

Андрей Николаевич слушал и то краснел, то бледнел. Станный слепой гнев закипал в его душе. Все то, что достигало его ушей, казалось ему неистовым поруганием самого священного дара природы человеку – свободного слова. Обсуждались известные печальные кишиневские события³, но обсуждались с такой страстной предвзятостью, что Контов начал думать, не в больницу ли умалишенных он попал. Явная лож являлась в качестве неопровержимых доказательств, фантастические извращения выдавались за вполне подтвердившиеся факты. Сыпались градом невозможные обвинения даже на таких лиц, которые по роду и месту своей деятельности никоим образом не могли быть прикосновенны к печальным событиям.

Контов слушал, кипел и, наконец, не выдержал.

– Это гнусная ложь! – крикнул он, когда с эстрады раздалось нелепейшее обвинение одного из государственных людей в подстрекательстве.

Все стихло.

– Кто сказал слово «ложь»? – возвышая голос, спросил председатель.

– Я! – звонко выкрикнул Контов, вскакивая со своего места. – Я сказал.

– Вы чужестранец? – последовал новый вопрос.

– Да, да! Я чужестранец, – захлебываясь словами, отвечал Андрей Николаевич, – мало того, – я русский, понимаете ли, русский, я из той страны, которая нагло оклеветана здесь. Я был бы подлецом, если бы не вступился за нее, слыша те гнусности, которыми осыпали ее негодные болтуны, жалкие невежды, отчаянные глупцы, взявшиеся говорить о том, о чем они не имеют понятия.

– О-го-го! – пронеслось по балагану, но в этом восклицании слышалось только любопытство.

Однако звучавший гневом и вместе с тем неподдельной искренностью голос Контова, а может быть, и самое благородство этого заступничества, где один шел вразрез со всеми, произвели впечатление.

– Когда я стремился сюда, я думал, что иду в страну свободы, правды, в страну, где выше всего свободный разум, а вместо этого встретил только пустую болтовню без всякой примеси оживотворяющего человеческого слова ума. Как можно осмеливаться судить о том, чего не знаешь? Это дерзость, это наглость! То, что произошло в России, в Кишиневе, подлежит суду. Он разберет правых и виноватых, и не вам судить это дело. Вы негодуете, что в Кишиневе неистовствовала чернь, жалкие подонки общества, а молчите о том, что сами вы вешаете, сжигаете

³ В 1903 г. при молчаливом одобрении царского правительства в Кишиневе прошли черносотенные погромы с многочисленными жертвами среди еврейского населения, вызвавшие волну возмущения во всем мире. – *Примеч. ред.*

живыми людей только за то, что у них кожа не такая, как у вас. Ваши лучшие граждане собираются любоваться на линчевание вами негров, ваши женщины поджигают облитые нефтью лохмотья на несчастных, и вы рукоплещете этим мегерам. Вы с фарисейским лицемерием объявили чернокожих равноправными с собой, но смотрите на них, как скверных животных. Да одни ли негры лежат на вашей душе? Вы осмелились обвинить в преступлении жалкого отребья весь великий почти полуторастамиллионный народ, а давно ли у вас были массовые избиения китайцев? Что? Вы испугались их конкуренции, вы оказались бессильны в трудовой борьбе с ними и прибегали к отвратительным насилиям... А истребление вами, пришельцами, коренных обитателей этого материка? Вы охотились за ними, как за дикими зверями, избивали женщин, детей. Здесь осмеливались приводить из истории примеры мнимого порабощения Россией разложившихся государственных организмов, осужденных самой судьбою на гибель, но ведь, помимо других соображений, это было давно, когда переустраивалась Европа, когда весь этот материк был колонией жадной Великобритании, вы поднимаете старину и взываете ко всему цивилизованному миру о возвращении свободы мнимопорабощенным, а сами вы рукоплескали английским победам в Южной Африке – победам над народом, никогда не находившимся в таком положении, в каком находилась до 1783 года Америка. Знаете, русский баснописец сказал – передам его слова так, чтобы вы могли их понять: вместо того, чтобы судить других, лучше всего пересчитать свои преступления. Вот вы так и поступайте, а России моей не троньте до тех пор, пока не узнаете ее; разным брехунам, наговаривающим вам нелепицы, не верьте, и тогда я про вас, пожалуй, скажу, что вы умный народ...

Контов вдруг оборвал свою речь и смолк, оставшись стоять перед этой заметно озлобленной толпой.

Около минуты царило молчание, но потом вдруг, как взрыв мины, пронеслось:

– Вон русского! Вон... Убейте его! Как он смеет наносить оскорбления?!

Все повскакали со своих мест. Андрей Николаевич, бледный, как полотно, стоял, скрепив на груди руки, готовый ко всему.

– Повесить его! Убить, как бешеную собаку! – раздавалось со всех сторон.

В толпе засверкали ножи. Как раз в это мгновение щелкнул револьверный выстрел. Это председатель, не видя возможности одним только стуком по столу привлечь к себе внимание всего этого обезумевшего человеческого стада, выстрелил в воздух.

Такое средство подействовало, гвалт и угрозы несколько стихли.

– Джентльмены! – выкрикнул, воспользовавшись затишьем, гуртовщик. – Я вполне понимаю ваше негодование, но все-таки считаю своей обязанностью сказать вам, что молодой чужестранец поступил так, как должен был поступить, как поступил бы я на его месте, как поступил бы и каждый из вас. Он заступился за свое отечество, о котором здесь было сказано много нелестного.

– Ты прав, друг! – выступил вперед здоровенный скваттер. – Молодой чужестранец поступил благородно, и, кто вздумает коснуться его, тот будет прежде иметь дело со мной.

– И я то же думаю! – крикнули один за другим оба золотоискателя из Клондайка, спрыгивая с эстрады и становясь около Контова.

– Благодарю вас, джентльмены, – с чувством произнес последний, протягивая им руки. – Мне несказанно дорого ваше доброе сочувствие.

– Что касается меня, – прокричал гуртовщик, – то я беру его под свою защиту, здесь мои молодцы, и я надеюсь, они разделяют мои убеждения.

Несколько рослых широкоплечих пастухов выделились из общей массы.

Все вместе – скваттеры, золотоискатели и пастухи – представляли собой внушительную силу, и один вид их сразу отрезвляюще подействовал на остальных.

– Пусть он уходит! – раздался одинокий голос.

– И пусть другой раз не появляется там, где он не может быть солидарен с большинством.

– Друг, пойдем, – взял Контова за руку скваттер, – тебе здесь более нечего делать. Андрей Николаевич и сам сознал, что должен уйти.

– Благодарю вас, джентльмены, – проговорил он, – я уйду с лучшим мнением об американцах, чем был еще так недавно. Прошу извинить меня, если я обидел вас...

– Идем! – уже почти строго проговорил скваттер.

Они тронулись к выходу; в балагане теперь стояло гробовое молчание. Сотни пар глаз следили за русским, но ни одного слова не раздалось, пока он не вышел за двери.

Следом за Контовым и скваттером вышла и японская молодежь.

– Друг, – произнес скваттер, останавливаясь уже в некотором отдалении от балагана, – позволь мне дать тебе, чужестранцу, один совет.

– Пожалуйста... Я буду обязан вам! – смутился не столько от слов, сколько от тона, которым они были произнесены, Андрей Николаевич.

– Жизнь хороша, а ты так молод, – продолжал скваттер, – посмотри, как ярко светит солнце, как сияет далекое небо!» Всемогущий Творец создал человека, чтобы он жил и наслаждался творениями его духа... Если ты хочешь жить, если тебе не угодно лежать в земле, поспеши убраться из Фриско...

– Разве мне грозит смерть? – спросил Контов.

– Я не скажу тебе этого, друг, но на митинге были молодцы, которым удар ножом из-за угла доставит только удовольствие. Поспеши! Ты только выиграешь, если последуешь моему совету. Впрочем, как тебе угодно.

– Я уезжаю завтра в Японию, – пожал плечами Андрей Николаевич.

– Тогда у тебя уже приобретены билеты на пакетбот и ты можешь взойти на него немедленно. Я думаю, что ты здесь проездом, а на пакетботе тебе не страшна никакая месть оскорбленных людей.

– Вы сами, однако, признали, что я был прав!

– Я этого не говорил, друг; я сказал только, что ты поступил хорошо, а это еще не значит, чтобы я говорил, что ты прав. Прощай, друг! Вон идет твой товарищ, – указал он на подходившего вместе с Куманджеро Иванова, – это ничего, что он заснул. Но я вижу, что с тобой также хотят говорить молодые чужестранцы... Прощай и будь счастлив!

Скваттер пожал Контову руку и медленной, тяжелой походкой пошел к балагану. Отойдя несколько шагов, он обернулся, поднял правую руку кверху и крикнул:

– Уезжай, перейди сегодня же на пакетбот!

Контов пропустил это восклицание мимо ушей. Куманджеро и Иванов были еще порядочно далеко, но к нему большими шагами подходил так понравившийся ему юноша-японец. Он приветливо улыбался, и Контов понял, что эти улыбки относятся к нему.

10. Новое знакомство

Контов сам с улыбкой смотрел на приближавшегося к нему юношу, и при каждом взгляде на него симпатия в душе русского все росла и росла.

– Вы поступили вполне великодушно! – подойдя к Андрею Николаевичу, сказал молодой японец. – И я рад пожать вам руку... Вы поступили, как должен был поступить каждый честный и уважающий себя человек.

С этими словами он протянул Андрею Николаевичу почти белую, лишь с легчайшим желтоватым отливом руку. Его товарищи стояли в некотором отдалении и с любопытством следили за ним во все время разговора его с русским.

– Я ненавижу Россию всеми силами моей души, – продолжал японец, – когда начнется война, я буду в числе первых явившихся в отобранные вашим народом у Китая и Японии земли, но эта ненависть не мешает мне относиться справедливо к тому, что я вижу...

– Благодарю вас, и благодарю главным образом за вашу откровенность! – с чувством ответил, пожимая руку молодого японца, Контов. – Честный, открытый враг всегда достоин всякого уважения... Я уверен, что ваша ненависть имеет свои причины.

– Да, – коротко проговорил юноша и добавил: – Я Александр Тадзимано, младший лейтенант флота его величества императора Японии. Вы чем-то удивлены?

– Вы сказали «Александр»?..

– Да... Вы этим удивлены? Тогда я вам скажу, что моего старшего брата зовут Петр, сестру, которая младше меня, – Елена, а нашего отца – Николай.

– Но ведь это же не японские имена и в вашем произношении они звучат совсем как русские...

Юноша улыбнулся и довольно небрежно заметил:

– Если бы вы были в Японии, вы не удивлялись бы этому...

– Как раз отсюда, и даже не далее как завтра, я отправляюсь на ваши острова.

– К нам? Жалею, что нам не придется ехать вместе... Впрочем, если вы проживете подольше у нас, то или я по возвращении постараюсь отыскать вас, или вы сами посетите мое семейство... Мы живем в Токио, имя мое вам теперь известно.

Контов понял намек и поспешил назвать себя.

– Будем знакомы, – еще раз пожал ему руку Тадзимано, – я сказал, что ненавижу Россию, но это не мешает мне, повторяю, любить в отдельности достойных уважения людей, кто бы они ни были... Если вы завтра отправляетесь в Нагасаки с очередным пакетботом, то встретитесь там с моим соотечественником, майором Тадео Хирозе; он долго жил в России, и у вас в изобилии найдутся темы для бесед... Это сократит вам время скучного плавания... Теперь мы должны расстаться, я должен спешить к моему адмиралу!.. Мой адмирал Хейкагири Того строг и взыскателен и щадить своих подчиненных не любит. Итак, до свидания в Токио!

Тадзимано еще раз пожал руку Андрею Николаевичу и отошел к своим товарищам.

«Милый, симпатичный юноша! – повторял про себя Контов, с восторгом глядя вслед отходившему японцу. – Сколько в нем привлекательного! Непременно проеду в Токио и познакомлюсь с его семьей... Интересно посмотреть на его родителей»...

Его размышления были прерваны подошедшими Куманджеро и Ивановым.

– Что же вы здесь стоите? – выкрикивал первый еще издали. – Пойдемте, пойдемте...

– Куда? – равнодушным взглядом скользнул по его фигуре Контов.

– Все равно куда, только подальше отсюда... Митинг, должно быть, скоро кончится.

– Пойдемте, – пожал плечами молодой русский, – мне все равно...

– Я говорю вам, потому что слышал, что случилось... Право, я друг вам...

– Благодарю вас!

– И я не желаю, чтобы с вами что-нибудь случилось...

– Вы уже говорили о причинах вашей заботливости... Что, Василий Иванович, присмирел? – обратился Контов к Иванову. – Так тебе и надо! Напился, как стелька...

– Что же? Ругайте меня! – забурчал Иванов. – Только вспомните, я ведь заснул только, а вы сами-то эвона какой дебош устроили... Самого честью к выходу попросили, а он с претензиями...

Во время этого разговора они уже порядочно отошли от балагана, где происходил митинг, и теперь шли по безлюдным окраинным улицам Сан-Франциско.

– Я жалею, что не попал на митинг, – говорил Куманджеро, – но то, что я слышал, в достаточной мере раскрывает мне все происшедшее.

– Но каково же ваше мнение? – спросил Контов.

– Такое, что вам нужно как можно скорее перебраться на пакетбот... Здесь вы не будете в безопасности. Есть много горячих голов, за которых нельзя поручиться.

– Я все это слышал...

– Тем лучше для вас: вы предупреждены и знаете, что может грозить.

– В самом деле, – как-то не то виновато, не то просительно произнес Иванов, – уберемся-ка мы с вами, Андрей Николаевич, из сих мест подобру-поздорову.

Контов засмеялся.

– И ты труса празднуешь! – сказал он.

– Труса не труса, а береженого Бог бережет, – запротестовал Иванов, – и, ежели дельно говорят, отчего не слушать.

– Вы, кажется, познакомились с одним из моих соотечественников, – перебил его Куманджеро, обращаясь к Андрею Николаевичу.

– Да, – поспешил ответить тот, – этот милый юноша подошел ко мне и заговорил... Вы знаете его?

– Нет, то есть немного... Это военно-морская комиссия, с адмиралом Хейкагиро Того во главе. Вам ничего не говорит это имя?

– Нет. Но, судя по вашему вопросу, это какой-нибудь ваш народный герой?..

– Того отличился в войне с Китаем... когда он командовал крейсером «Нинива». Помните тысяча восемьсот девяносто четвертый год? Об адмирале отзываются с похвалой и называют одним из способнейших вождей-моряков. Он явился сюда, в Америку, для приемки вновь построенных на верфях – не помню каких – судов... Моя страна весьма заботится о своем флоте. Флот – ее гордость...

– Так и подобает островитянам... Англия тоже если и сильна, то только одним своим флотом! – рассеянно заметил Контов. – А кто этот молодой Тадзимано?

– Его зовут Тадзимано? – представился удивленным Куманджеро. – О, тогда я не понимаю его поведения.

– В каком смысле?

– Видите ли, эта семья вся – страшные русофобы. Старик Тадзимано и его дети – все христиане, и даже, я сейчас удивлю вас, они христиане вашего, русского толкования этой религии!

– Православные? – удивленно воскликнул Контов.

– Да... Кажется, русские так называют себя в религиозном отношении.

– И Тадзимано ненавидят Россию?

– Вероятно, на это у них – по крайней мере у главы семьи – есть свои причины...

– Это странно! – задумчиво произнес Контов. – Я, право, познакомлюсь с этим семейством.

Куманджеро ничего не ответил и, обратившись с легким смехом к Иванову, сказал:

– Ну, что же, мой друг, как мы проводим наш вечер сегодня?

– Я-то не прочь, да вот как Андрей Николаевич? – потупясь, ответил тот.

– Это вы куда же собираетесь? – спросил Контов, заинтересованный самою таинственностью этих переговоров.

Они были уже почти у той гостиницы, где нашли себе приют по приезду в Сан-Франциско и где завтракали в это утро с японцем.

Андрею Николаевичу пришлось повторить свой вопрос. Иванов смущенно молчал, Куманджеро слегка улыбался и тоже не говорил ни слова.

– Ну, что же, господа, или это ваш секрет и вы его собираетесь хранить в строжайшей тайне? – спросил, сам улыбаясь, Контов.

– Да нет! Какой там секрет! – возразил Василий Иванович. – А ведь мил человек, – указал он на японца, – говорит, что здесь счастье попытать можно...

– Счастье? Каким это образом?

– А таким, что либо пан, либо пропал!

– Это еще что значит? Брось, Вася, загадки и говори прямо. Что такое вы задумали?

– Да я не знаю, как это по-здешнему называется... У нас в Питере в вертушку играли, чет-нечет, орла и решку, мне всегда дюже везло... Бывало, скажешь: «решка», никогда орел не выйдет...

– Ага, теперь я понимаю, – сообразил, в чем дело, Контов, – ты задумал отправиться в игорный дом, здесь их, говорят, очень много.

– И могу засвидетельствовать, что игра идет вполне честно, – вступился Куманджеро. – Да иначе и быть не может... С тем, кого заметят в нечестной игре, расправа коротка: револьвер или нож быстро научат честности любого негодяя... Расчеты тоже правильны... За этим всегда следят десятки глаз... Поэтому ваш товарищ может рискнуть без опасения проигрыша наверное.

Контов подозрительно поглядел на японца.

«Уж не подманиваешь ли ты моего Васютку? – подумал он. – Да нет! Васюка – добыча незавидная... Что мы за знатные иностранцы? Этот желтый проныра прежде всего должен бы осведомиться о состоянии наших карманов, а там нельзя сказать, чтобы была особенная густота»...

Он опять испытующе устремил взор на Куманджеро. Тот безмятежно улыбался, не переставая болтать с Ивановым.

– Играют в кости, – говорил он, – это очень старинная игра... ее в особенности любят моряки. Потом играют, конечно, в карты...

– А знаете что? – перебил его Контов. – Пойду-ка и я с вами!

– Вы? – скользнул по нему взглядом Куманджеро.

– А что же? Вася уйдет, сидеть одному, право, скучно. Все интереснее провести вечер на людях...

Куманджеро пожал плечами.

– Я предпочел бы, чтобы вы провели этот вечер на пакетботе, – заметил он.

– Ну, – беззаботно засмеялся Контов, – это вы опять за прежние советы! А я вам скажу, что у нас, русских, есть пословица: «Двум смертям не бывать, одной не миновать». К тому же я немножко фаталист и потому не боюсь таких случайностей.

– Вот вы все, русские, такие! – в тон ему засмеялся японец.

– Какие такие?

– Малоблагоразумные, беспечные... Вы львы в минуты наступившей опасности и дети, когда она подходит.

– Уж какие есть, такие есть! – ответил, смеясь, Контов.

– Я достаточно приглядывался к вам! Сколько раз я видел, что вы – конечно, в смысле русского народа – могли бы легко избежать бед, если бы только дали себе труд подзаняться ими,

когда они еще в зародыше, а вы нет! Когда раздастся удар грома, вы только тогда об опасности от молнии думать начинаете, не замечая, что гроза уже бушует вокруг...

– Андрей Николаевич, слышите? – воскликнул Иванов. – Это он по-своему нашу любимую русскую пословицу докладывает.

– Слышу, слышу! – отозвался Контов. – Что же? Господин Куманджеро, пожалуй, и прав... Есть у нас это...

– Не только есть, а хоть отбавляй, – вдруг воскликнул развеселившийся Иванов, а затем повернулся к японцу и фамильярно похлопал его по спине, приговаривая: – А и шельма же ты, Куманджерка! Ишь, как ловко ты по-нашенски насобачился... Веди нас за это туда, где в кости играют! Рискую на все медные, и никаких больше!

Японец, очевидно, ничего не имел против такого способа выражения мыслей. Он заулыбался еще более и в знак своего согласия протянул Иванову свою желтую руку.

11. На борту «Наторигава»

Времени было много – Куманджеро посоветовал идти в игорный дом попозже, так как крупнейшие и наизащитные игроки собирались только к вечеру, даже ночью.

Поговорив между собой, оба русских решили перевезти свои вещи на почтовый пароход и вечером явиться прямо на него, так как пароход отходил с рассветом и уже поэтому им не стоило оставаться в гостинице.

– Что, Вася, ведь не мы одни столь практичны! – сказал Контов, когда они очутились на пароходе, сдали там свои вещи, заняли место в каюте, устроенной на четверых пассажиров, и заявили капитану, что явятся непременно к отходу. – Взглянь-ка, дружище!

– И то гляжу, Андрей Николаевич... Все макака на макаке! – поспешил отозваться Иванов, оглядываясь во все стороны.

Пароход принадлежал японской компании и носил имя «Наторигава». Он был порядочно грязноват и скорее казался грузовым транспортом, чем пакетботом. Капитан был типичный японец, его штурман также; матросы и прислуга тоже были японцы. В кают-компании было неуютно – слишком резко кидалась в глаза неумелая подделка под европейский комфорт, столь обычный не только на европейских, но даже и на американских трансокеанских пароходах. Все-таки было довольно чисто, и путешественники, направлявшиеся в порты Японского и Желтого морей, пожалуй, ни на что лучшее и претендовать не могли бы.

Одно представлялось удивительным.

«Наторигава» был пассажирский, даже почтовый пароход, а между тем всюду на нем были видны приспособления к боевым действиям. Пушек не было, но замаскированные порты⁴ для них были; были заметны даже намеки на защитные башни; экипаж пакетбота прямо-таки поражал своей военно-молодцеватой выправкой.

Молодые русские были поражены этим воинственным видом обыкновенного коммерческого парохода, но они вспомнили, что Япония, эта Страна восходящего солнца, после своей китайской войны 1894 года и в особенности после общеевропейского похода на Пекин в 1900 году усугубила у себя военную организацию и даже ничтожные мелочи переделала на военный лад. Воинственный вид парохода они, по крайней мере Контов, приписали именно этому стремлению японского правительства усугубить свой милитаризм и скоро забыли и думать о той обстановке, в которой им приходилось совершать свое путешествие.

– Ну-с, мы теперь здесь покончили, – объявил после осмотра парохода Контов, – пойдем теперь, Вася, куда нас влечет судьба!..

– Уж и сказали: судьба! Экое ведь слово-то, надобно, чтобы мы в пух и прах продуваться пошли.

– Эге! Никак на попятный?

– Вовсе нет. А вы смотрите-ка, этот давишний японский мальчишка здесь...

В самом деле, в группе японцев, очевидно, пассажиров, тоже заблаговременно перебравшихся на борт пакетбота, стоял Александр Тадзимано и делал приветственные и призывные знаки Андрею Николаевичу.

Контов, ласково улыбаясь, поспешил подойти к симпатичному юноше.

– Вот познакомьтесь, господа, – заговорил с юношеской торопливостью Тадзимано, – это Контов, русский турист, он намеревается посетить наши острова, а это, господин Контов, мои друзья: Чезо Ююки и Тейюки Оки, писатель и военный. Сожалею, что нет здесь Хироze – он остался на берегу с адмиралом, – но не сомневаюсь, что в самом непродолжительном времени вы перезнакомитесь и передружитесь... Хироze вам будет особенно интересным собеседни-

⁴ Отверстия в бортах.

ком. Он долго жил в Петербурге, говорят, что он даже командовал там русскими солдатами, последнее не утверждаю, но знаю, что у него был там роман... несчастный роман... Увы нам, желтолицым!.. Нас могут любить белые девушки, но их отцы всегда против нас, а отец возлюбленной Хирозе, как он сам говорил, был большой русский адмирал...

– Жалею вашего друга, – заметил Контов, – сочувствую ему.

В голосе его дрогнули нотки тяжелого горя. Тадзимано пристально посмотрел на него и произнес:

– Ну, не будем говорить о романах... Вот мои друзья, вы с ними также нескучно проведете время, но предупреждаю, что они большие спорщики... Они не любят вашего отечества и мечтают только о том, когда Японии и России придется сойтись на поле брани.

– Ну, это еще не скоро будет! – засмеялся Андрей Николаевич.

– Кто знает! – загадочно ответил ему Тадзимано и, обращаясь к прежней теме, добавил: – Итак, вы предупреждены – если услышите от моих друзей что-нибудь резкое, не гневайтесь и смотрите на все с точки зрения принципа.

– Хорошо! – согласился, любуясь юношей, Контов. – Я буду помнить, что ваши друзья – русофобы.

– Здесь нет русофобов, – перебил его молчавший дотоле Юоки, взглядывая исподлобья, – среди японского народа нет ни одного русофоба...

– А есть только патриоты! – докончил его фразу Оки.

– Не буду с вами спорить, господа, – поспешил ответить обоим японцам Контов, – но я надеюсь, что во время пути вы не откажетесь просветить меня относительно истинного значения этих двух слов...

– Мы к вашим услугам! – полупоклонился Юоки.

– А теперь позвольте спросить вас, дорогой господин Тадзимано, – обратился к молодому японцу Андрей Николаевич, – не можете ли вы сообщить мне какие-нибудь сведения о вашем соотечественнике, некоем Куманджеро?..

– Куманджеро? – протянул с видимым замешательством Тадзимано.

– Аррао Куманджеро из Кобе? – вопросительно произнес Оки.

– Из Кобе, из Осаки, из Киото – право, не помню! – воскликнул Контов. – Но из вашего вопроса вижу, что эта личность не совсем безызвестная... Скажите, он действительно негодичант, арматор?

Японцы переглянулись друг с другом.

– Да, да! – поспешно ответил за всех Оки. – Куманджеро – негодичант и арматор... У него дела в Маньчжурии...

– В особенности в Порт-Артуре и Владивостоке! – подтвердил со своей стороны Оки и с внезапным порывом воскликнул: – О! В Порт-Артуре у него очень большое и полезное для Ниппона дело!

Андрей Николаевич с удивлением посмотрел на японца, недоумевая, что может значить его порыв.

– Теперь я несколько не сомневаюсь, – произнес он, – что этот господин, с которым я имел честь случайно познакомиться, не только небезызвестен, но даже, напротив того, пользуется большою известностью...

– О да, очень популярен! – подтвердил Оки и, сухо поклонившись, отошел в сторону.

Чезо Юоки последовал за ним.

– Не рассердились ли ваши друзья на меня? – спросил Контов у оставшегося около него Тадзимано.

– Нет, за что же? – улыбнулся тот. – Оба они – славные люди... Один – военный, другой – талантливый писатель, хотя в то же время он и... военный тоже.

– Удивительное сочетание! – засмеялся Андрей Николаевич. – Перо и меч в одной и той же руке...

– Они оба – великие патриоты! – убежденно и торжественно ответил юноша. – Когда придет время умереть за отечество, они умрут, не дрогнув, счастливые и радостные... Так умрет каждый из нас, – закончил он, но в голосе его теперь слышался оттенок тихой грусти.

Контову хотелось говорить без конца с этим симпатичным ему юношей, но Тадзимано вдруг заторопился, распрощался со своим новым знакомым и легкою походкою спустился в подпалубную каюту.

К Контову сейчас же подошел Иванов.

– Соскучился, друже? – спросил его Андрей Николаевич.

– Нет, какое соскучился! – отвечал тот, зачем-то надувая щеки. – Здесь не соскучишься! Есть с кем по душам поговорить...

– С кем это? – удивился Андрей Николаевич.

– А матросики-то? Славные ребята... Это ничего, что у них рыло желтой краской, под лимон отполировано.

– Да ведь это японцы!.. Как же это ты ухитрился с ними по душам-то разговаривать? Ведь они по-нашему ни в зуб!

– Какое ни в зуб! Есть два или три мастака, что по-нашему, по-рассейски, так и жарят... Право! И где они так насобачиться только могли? Спрашиваю – не говорят... Гогочут, а не говорят...

Андрей Николаевич покачал головой.

«А наши-то, наши! – с тоскливым чувством подумал он. – И по-своему правильно говорить не умеют... свою речь осмыслить не в состоянии»...

– Что же, Андрей Николаевич, – перебил его Иванов, – идти, так идем... Небось Куманджерка заждался...

– Фу, как ты его! – поморщился Контов. – Куманджерка! Все равно, как собачонку какую...

– А он ласковый господин, не обижается... Вот поступлю к нему на службу, так по имени-отчеству величать буду или там как еще... а теперь, брат, ау: вольный еще казак, как хочу, так и величаю.

– Ты уже и на службу к нему думаешь?

– Вместе с вами!.. – несколько запнулся Иванов.

– Со мной?

– А то как же? На то мы оба два – разлучать негоже!

Андрей Николаевич знал способность своего друга ко всевозможным фантазиям и пропустил мимо ушей его слова. Зато Иванов как-то особенно посмотрел на него и даже нашел нужным зачем-то подмигнуть ему.

– Идемте же! – потянул он после этого за рукав Андрея Николаевича.

Вечер наступил быстро, как и всегда под этими широтами. Свет гас, как будто кто-то где-то торопливо тушил огромный фонарь, доселе освещавший и беспредельный океан, и этот красавец-город, приютившийся около его неизмеримой глади, и громады гор, казавшихся теперь, в наступающей тьме, гигантами, сторожившими засыпавшую землю от ее яростного врага-океана.

Оба русских в молчании перебрались на берег.

Куманджеро поджидал уже их.

– Идемте, господа, идемте! – восклицал он. – Однако вас долго задержали на борту «Наторигавы».

– Я заговорился с вашим соотечественником, – ответил Контов.

– С лейтенантом Тадзимано?..

- Да, он был там, потом были еще господа Юоки и Оки...
- Ага! Знаю, майор Чезо Юоки и поручик Тейоки Оки... Они?
- Да!
- Это все пламенные патриоты! – заметил Куманджеро. – Но не советую с ними близко сходитья...
- Отчего? Они отнеслись к нам очень хорошо!
- Японец засмеялся, но не ответил ни слова и только повторил свое предложение:
- Идемте же, господа!..

12. В игорном доме

Куманджеро повел своих русских знакомцев по таким улицам, переулкам и проулкам, что Андрей Николаевич, приглядывавшийся к дороге, вряд ли смог бы вернуться один обратно.

Он не боялся и шел смело. Приключение на митинге как-то улетучилось из его памяти. Угрозы и предостережения вроде тех, какие ему пришлось услышать от старого скваттера, потом от Тадзимано, как-то не останавливали на себе его внимания. Он был уверен, что находится в стране культурной, в стране, где основанием всего являются право и правда, где никакие произвол и насилие немислимы, и потому шел беззаботно, насвистывая сквозь зубы какой-то мотив.

Иванов не менее беззаботно болтал с японцем, и в темноте то и дело были слышны вспышки его грубоватого смеха.

Чем дальше они шли по темным излучистым переулкам, тем больше появлялось людей, направлявшихся по одному с ними направлению. Были всадники, велосипедисты, промчалось несколько моторов; пешеходов было сравнительно немного.

– Что это, все туда? – спросил Андрей Николаевич у Куманджеро.

– Вы угадали! – кивнул тот головой. – Все, кому не хочется спать, у кого бряцает золото в кармане и кто желает попытать счастья, приходят сюда.

– И много здесь таких учреждений? – полюбопытствовал русский.

– Много! – односложно протянул Куманджеро.

Они в это время уже подходили к ярко освещенному зданию, сквозь окна которого виднелись силуэты множества человеческих фигур.

– Игра еще не в разгаре, – заметил японец, – мы пришли рано...

– Зато и уйдем пораньше! – отвечал Андрей Николаевич и, обращаясь к Иванову, спросил: – Что, Вася, не трусишь?

– Я-то? Да чего мне: я, слава те господи, пудовой гирей крещусь, – ответил тот, – это вам потрухивать следует.

– Мне-то чего?

– Да накостылять могут... за давишнее.

– Авось гроза мимо пройдет! – засмеялся Андрей Николаевич и зажмурился.

Они уже входили в зал, и переход от ночного мрака к ослепительно-яркому электрическому свету ослепляюще действовал на глаза.

Когда Контов разомкнул веки, перед ним открылась картина, которую доселе он видел лишь в музеях на полотнах знаменитых мастеров.

Огромный зал до тесноты был переполнен всевозможного вида людьми. Здесь рядом с лохмотьями были видны безукоризненные европейские костюмы. Белые, мулаты, метисы, желтокожие – японцы и китайцы-матросы, золотоискатели, гуртовщики, охотники, англичане, американцы-северяне и южане-французы, немцы, итальянцы, датчане, шведы, норвежцы – все толпились, говорили зараз вместе, не слушая друг друга, кричали, бранились, смеялись, клялись, грозили – словом, в этом зале, оказавшемся тесным для той толпы, какая набралась сюда, царил невозможный хаос звуков, еще больший, чем стоял в балагане во время митинга. Особенно тесно было около столов, где шла игра. Таких столов было несколько. За одними шелкал шарик рулетки, за другими кидали из большого оловянного бокала кости. Играющих в карты было меньшинство. Около банкометов, отливая благородным блеском, лежали груды золотых монет. На всех лицах был написан азарт, владеющий всеми, даже теми, кто не играл сам, а только любовался игрою. Золото так и звенело всюду, прорываясь сквозь невообразимый гул голосов. Грудки его так и двигались, переходя то от партнеров к банкомету, то обратно. По временам раздавались громкие восклицания и слышался взрыв рукоплесканий. Это случалось

тогда, когда партнер срывал с банка особенно крупную ставку. На счастливого устремлялись сотни завистливых взглядов. Его имя с чувством и уважения и зависти повторялось на разные лады во всех уголках зала. Зато несчастного игрока преследовали оглушительный хохот, насмешки. Бедняка никто не жалел, и каждый более крупный проигрыш приводил весь зал в самое веселое настроение.

Атмосфера стояла невыносимо удушливая, насквозь насыщенная запахом пота, табачного дыма, можжевелевой водки. Контов не пробыл и пяти минут здесь, как уже почувствовал головокружение. Глаза его начал застилать какой-то странный туман. И атмосфера, и гул, и звон золота пьянили его. Андрей Николаевич взглянул на Иванова. Тот был бледен и поглядывал вокруг себя широко раскрытыми, выразившими удивление глазами. Несмотря на всю свою непосредственность, апломб и смелость, парень казался растерянным, уничтоженным. Он, как ребенок, ухватился за руку Андрея Николаевича и так и ходил, не выпуская ее.

– Деньжищ-то, деньжищ-то какая уйма! – лепетал он. – Да ежели бы нам полстолька – вот бы закутили-то!

Контов даже и не ответил ему, весь погрузившись в созерцание новой для него картины. Вдруг кто-то грубо толкнул его.

Андрей Николаевич живо опомнился, весь словно встряхнулся и огляделся вокруг.

Прямо перед ним стоял высокий, красивый молодой человек, южанин, судя по мелким, но выразительным, энергичным чертам лица. В этом человеке, вызывающе смотревшем на него, Андрей Николаевич сразу узнал одного из тех крикунов, которые особенно неистово бесновались на митинге, когда он дал отпор сыпавшимся на его родину несправедливостям. Не говоря ни слова, Контов остановился и спокойно устремил глаза на калифорнийца, ожидая, чтобы тот начал говорить первый.

Калифорниец не выдержал спокойного, пристального взора.

– Вам, вероятно, что-нибудь от меня нужно, – спросил он, – или вы принимаете меня за кого-нибудь из своих друзей?

– Нет, у меня нет таких друзей, которые забывают правила вежливости и не извиняются, задев незнакомого человека, – спокойно ответил Андрей Николаевич.

Калифорниец весь так и вспыхнул.

– Вы не собрались ли меня учить? – вскричал он и, расхохотавшись, прибавил: – Теперь я узнаю вас: вы тот русский, который сорвал сегодня митинг.

– Что было с митингом после меня – не знаю, – выдерживая тон, ответил русский, – но что вы были здесь невежливы в отношении меня, это – да!

– Оставь русского, Джо, – подбежал к калифорнийцу другой такой же, как и он, молодой человек, – успеешь рассчитаться с ним и после. Спеши, а то твое место будет занято.

Грубиян прокричал какое-то ругательство, погрозил в сторону Контова кулаком и кинулся вслед за своим приятелем. Контов закусил губу, пожал плечами и пошел далее.

– Это он что же вам говорил, ферт-то этот? – спросил Иванов.

– Так, пустяки! – ответил ему Андрей Николаевич. – А где этот твой Куманджеро?

– Кулаком еще вздумал грозиться! Дать бы ему хорошего раза! – заворчал пришедший в себя Иванов. – А Куманджеро где? Да кто его знает... Отстал, как только мы пришли... Андрей Николаевич, взгляните-ка!

– Куда? Что еще?

– Да вы поглядите только! – Иванов весь так и кипел. – Ведь самая что ни на есть родная! Уж извините, я не смогу стерпеть!

Он выпустил руку Контова и, вприпрыжку подбежав к небольшому столу, около которого стояла реденькая кучка игроков, громко, чуть ли не на весь зал заорал:

– На орла – доллар ставлю!

Контов тоже поспешил подойти и, к величайшему своему удивлению, увидел, что за этим столом играют в самую простейшую русскую орлянку.

Банкомет был типичный еврей с хитрым лисьим выражением лица. Игроки кругом были тоже не такие, как за другими столами. В большинстве лиц или ясно был выражен, или только чувствовался славянский тип. Когда Андрей Николаевич прислушался к раздававшемуся здесь говору, то сообразил, что эти люди были поляки, белорусы, литовцы, переброшенные злодейской-судьбой через океан.

Все они были не столько увлечены самой игрой, сколько возможностью собраться вместе, поговорить на родном языке. Игра велась слабо, без оживления, и внезапное появление Иванова внесло в нее оживляющую струю.

– Доллар! – радостно и по-русски воскликнул банкомет. – Отчего же не два? Отчего не три, не пять? На доллар скучно играть, банку нет никакой от этого выгоды.

– Ладно, ладно, открывай знай! – нетерпеливо крикнул Иванов. – Сказано – на орла!

Банкомет потряс в руке три монеты и швырнул их на стол. Вышли «орлы», то есть монеты легли стороною, противоположной той, где была обозначена их стоимость, и Иванов выиграл.

– На квиты – решка! – повторил он и опять выиграл.

Банкомет, очевидно, знавший русские термины и приемы игры, схватил из небольшой грудки монет столько, сколько могло поместиться их под ладонью, и, выдвинув вперед, крикнул:

– Под рукой!

– Идет, орлы! – закричал начинавший приходить в азарт Иванов.

Ладонь приподнялась, «орлов» под нею оказалось больше, и Иванов потащил к себе все монеты, громко объявляя:

– Вот как у нас по-заводски-то!

– А вы давно из России? – спросил банкомет.

– Я-то?

– Кажется, вы, если я вас спрашиваю!

– А как приехал, так с тех самых пор... решки!

Иванову положительно везло: он выиграл опять.

– Чет – нечет? – отделил банкомет большую часть оставшихся монет.

– Нечет! – последовал ответ, и опять счастье не изменило Василию Ивановичу: монет оказалось нечетное число, и весь куш перешел к нему.

– Да с вами играть нельзя! – заговорил, стараясь шутить, еврей. – Уж нет ли у вас веревки от удушенника?

– Толкуй ты там, «веревки»! А вот не хочешь ли по банку?

– Идет! Что? – кинул монеты банкомет.

– Решки!

– Сорван, банк сорван! – раздался кругом шепот.

– Ну и играете! – воскликнул банкомет. – Вы русский?

– А то нет, что ли?

– Эмигрант?

– Нет, заводской... Я, брат, у себя за Невской рубль семь гривен в пустые дни зарабатывал... А что?

– Так я знаю, у вас есть пословица о том, кому везет счастье.

– Ладно! Говори там! Этим, брат, меня не проймешь! Слыхали! Продулся, да еще сердится. Андрей Николаевич! Где вы там запропались-то?.. С выигрыша выпить бы надо...

Контова не было. Иванов, увлеченный игрой, не видел, как Андрей Николаевич отошел прочь. Пока он распихивал по карманам свой выигрыш, внимание его было привлечено страшным шумом, раздававшимся в другом конце зала.

«Никак дерутся? – промелькнула у парня мысль. – Пойти посмотреть, смерть люблю такие общепользные развлечения!»

Он не торопясь двинулся в тот край, где происходила свалка.

– Василий, Вася! Ко мне! – услышал он хорошо знакомый ему голос Андрея Николаевича.

– Что? Андрюша страдает? – приостановился он, тревожно вглядываясь в толпу.

– Долой русских! – ревели кругом десятки голосов. – Вон их, вон! Убейте их!

К Иванову, уже очутившемуся около самой свалки, кинулся было, вертя перед собой по всем правилам бокса кулаками, какой-то быкообразный американец, но в тот же момент тяжело грохнулся на пол, сбитый с ног страшным ударом русского кулака.

В это мгновение потухло электричество и крошечная темнота покрыла собою всю эту безобразную сцену. Но это не успокоило разыгравшихся страстей. Послышались выстрелы, раздались стоны, звон рассыпанных монет, и опять все звуки смешались в один невообразимый хаос.

Кто мог, кто успевал, спешил выбраться из зала. На воздухе было несколько светлее и тьма казалась не столь непроглядною.

Свалка внутри здания еще продолжалась, когда в некотором отдалении от него показались четыре человека, осторожно несшие пятого. Впереди их поджидал еще один, сейчас же остановивший их.

– Удалось? – спросил по-английски.

– Дело сделано! – ответил ближний. – Вы, мистер Куманджеро, недаром заплатите нам деньги.

– Жив?

– Оглушен только... без чувств...

– Да... а другой, его товарищ?

– Мы его не имели в виду, потому и не знаем, что с ним...

– Хорошо, несите же скорее. Здесь неподалеку ждет экипаж...

Тот, кого несли, был Контов. Орлянка для него была несколько не привлекательна, и, заметив, что Иванов выигрывает, он отошел прочь, удивляясь, что нигде не видно Куманджеро. Проходя по залу, он натолкнулся на молодого калифорнийца, затевавшего с ним ссору. Контов хотел пройти мимо, сделав вид, что не замечает его, но тот преградил ему дорогу и кинул прямо в лицо оскорбительную для него и как для человека, и как для русского фразу. Андрей Николаевич не смог стерпеть и на оскорбление ответил оскорблением. Теперь вспыхнула уже серьезная ссора; калифорниец, которого окружили его друзья, выхватил револьвер. Тогда Контов крикнул и в тот самый момент, когда погас свет, получил тяжелый удар чем-то по голове. Удар настолько был силен, что молодой человек сразу лишился чувств.

Когда он пришел в себя, то долго не мог понять, где он и что с ним. Он лежал на узенькой койке в каком-то небольшом, низком и тесном помещении. Кругом раздавался глухой шум, как будто где-то поблизости работала паровая машина, за стеной слышалось страшное шуршание и в то же время чувствовалось легкое покачивание.

«Да ведь я на корабле сейчас! – сообразил Контов. – Как же это я успел сюда попасть? Где же Василий?»

Он приподнялся, несмотря на страшную ломящую боль в голове. Теперь, после осмотра, он уже не мог сомневаться, что находится в каюте «Наторигавы» – эту каюту он уже видел при посещении пакетбота перед тем злополучным вечером, когда он попал в игорный дом.

13. В море

– Наконец-то вы пришли в себя, мой дорогой друг! Как я рад! – услышал Андрей Николаевич гнусавый, с пришепетываниями голос, по которому сейчас же узнал Куманджеро.

Сделав усилие, Контов сел на своей койке.

– Господин Куманджеро, где вы? – крикнул он.

– Здесь! – опять послышался голос.

Только теперь Андрей Николаевич разглядел небольшие ширмочки, отгораживавшие койку у противоположной стены. За ширмами послышались движения, и из-за них выбрался Куманджеро в спальном костюме и ночном колпаке.

– Очень рад, – повторил он, – однако я советовал бы вам снова лечь и постараться заснуть... Еще очень рано.

– Что случилось? – не обращая внимания на его совет, спросил Контов.

– Я предостерегал вас, вы не пожелали послушать моих предостережений – только и всего...

– На меня напали?

– Не то чтобы напали, а произошла ссора, и вы были оглушены.

– Как же я очутился здесь?

– За это благодарите меня, – с легким смехом ответил японец, – я успел подоспеть вовремя и кое-как увез вас сюда, на «Наторигава»... Теперь мы выбрались за Львиные столбы и континент остался позади.

– Но Иванов... Он здесь?

– Увы, нет!

– Где же он?

– Он остался там, на континенте, во Фриско.

– Как остался? – забывая все на свете, вскочил с койки Андрей Николаевич. – Остался там? А я здесь, я бросил его?..

– О, вы не беспокойтесь за него, – поспешил успокоить его Куманджеро, – ваш товарищ арестован, а это самое лучшее в его положении. Под арестом он находится в полной безопасности, закон сумеет охранить его...

– Но что же он сделал?

– Ваш товарищ – совсем Геркулес, – засмеялся японец, – но, очевидно, никогда не соразмерял силы с тем, в какой мере ему необходимо пользоваться. Ничего серьезного не произошло, несколько граждан великой унии недосчитываются зубов, лечат проломленные головы.

– Что же мне делать, что же мне делать? – дважды воскликнул Контов, в отчаянии опускаясь на прежнее место. – Неужели невозможно возвратиться назад?

– «Наторигава» уже в океане! – заметил Куманджеро.

– Но, может быть, встречный корабль, пароход, простая шлюпка, наконец... Ведь нельзя же, черт возьми, бросать человека в таком положении!

Андрей Николаевич волновался не на шутку. Лицо его все покрылось пятнами, сам он весь вздрагивал.

– Я сейчас пойду к капитану и буду просить его помочь мне возвратиться...

– Друг мой, – с кротостью, сильно отдававшей скрытой иронией, возразил Куманджеро, – ваша просьба будет смешна почтенному моряку.

– Но ведь должен же я что-нибудь предпринять... Как я могу бросить там Иванова?

– Повторяю вам, будьте за него покойны. Прежде всего американские законы чрезвычайно снисходительны к чужестранцам, это раз, затем, ваш товарищ действовал обороняясь.

Это очень важный шанс. Далее, я просил оставшегося во Фриско лейтенанта Тадзимано позаботиться об арестованном...

– И вы думаете, что этот юноша поможет Иванову?

– О, конечно...

– Но ведь вы сами же говорили, что вся эта семья ненавидит русских?

– Прошу заметить, я сказал – Россию, но не русских, Россию, как известного рода мировой организм, с весьма своеобразным устройством, как разноплеменный конгломерат, угрожающий соседям поглощением; но чтобы Тадзимано ненавидел русских в отдельности от их родины, этого я не говорил.

Контов почувствовал, что на душе у него стало легче, когда он услышал фамилию симпатичного ему юноши-японца.

– И вы думаете, что все обойдется благополучно? – еще раз спросил он.

– Не думаю, а уверен, – подтвердил Куманджеро, – а вы сделаете самое лучшее, если ляжете, повторяю свой совет... Притом указываю, во Фриско есть и русские... консул, кажется... ваш друг получит защиту.

С этими словами японец удалился за свои ширмы.

Андрей Николаевич, сознавая, что столь внезапно создавшееся положение исправить нельзя, что капитан ради него одного ни за что не повернет «Наторигава» назад, в гавань Сан-Франциско, опустил на койку. Теперь его голова болела не так сильно. Он ощупал свой череп – нигде не было ни пролома, ни поранения.

«Уцелел я, – промелькнула у него мысль, – вот тебе и страна свободы, страна уважения к праву! Видно, кулак да нож здесь предписывают все законы... Нет, у нас в России куда лучше!.. Черта ли мне в такой свободе, если у меня от нее и затылок, и темя болят!»

Контов в эти мгновения сердился, даже гневался на всех и все, но больше на самого себя. Он никак не мог простить себе легкомыслие, с каким согласился идти после стольких предупреждений в игорный дом. Но опять-таки он признавал, что делать нечего и приходится волей-неволей покориться создавшемуся положению... Таким образом, то, что недавно еще и мучило, и гневало его, явилось теперь успокоительным средством. Андрей Николаевич невольно покорялся необходимости и смирялся. Однако спать он уже не мог и, наскоро одевшись, вышел на палубу.

«Наторигава» шла полным ходом. Две огромные трубы ее выкидывали волны дыма, стлавшиеся, как гигантские змеи, в утреннем воздухе. Было тихо, тепло. Океан раскидывался во все стороны своею беспредельной гладью, вдали виднелись чуть заметным абрисом береговые горы, но они уже тонули в массе воды, казалось, поглощавшей их. Легкий, чуть заметный ветерок играл вокруг шедшего полным ходом судна; запахи моря лились в грудь молодого человека, жадно вдыхавшего их. Солнце уже поднялось, хотя и не на высоту. Лучи его серебрили водную даль. В океане было пусто – на горизонте не замечалось ни паруса, ни пароходного дымка. Андрей Николаевич стоял, как очарованный, у борта и не спускал взора с морской дали, как будто надеялся увидеть там нечто новое, что-то такое, что должно сразу появиться перед его глазами.

Легкое прикосновение к плечу сразу вывело его из задумчивости.

Андрей Николаевич быстро обернулся. Позади него стоял низкорослый японец в морской форме.

Он улыбнулся.

– Я майор Тадео Хирозе, – произнес он. – Мой друг Александр Тадзимано говорил мне о вас и поручил передать, что он по возможности все устроит в интересах вашего бедного товарища.

Хирозе говорил по-русски без запинки, даже без акцента, хотя его говор был скорее книжный, чем обыденно-русский.

– Будем знакомы! – закончил он свою фразу и протянул Контову руку.

– Я рад! – с искренней радостью воскликнул тот. – Право, в эти минуты я так нуждаюсь в сочувствии, в ободрении, что бесконечно счастлив, что вы снизошли ко мне.

– Полноте! – весело рассмеялся Хирозе. – Вот, как я заметил, все русские так! Вам непременно нужно ободрение со стороны!.. Это черта вашего национального характера... Простите! – спохватился он, заметив, что тень не то тоски, не то неудовольствия скользнула по лицу Контова. – Я вовсе не хочу сказать что-либо дурное для России и русских, я просто подмечаю некоторую черточку, отсутствующую везде, кроме русского характера...

– Я не обижаюсь! – возразил Контов. – В критике не может быть обиды...

– Я думаю! – подхватил его фразу Хирозе. – Итак, покончим с этим вопросом... Скажите, как вы себя чувствуете?

Тень опять набежала на лицо Андрея Николаевича.

– Я очень сожалею о происшедшем! – просто сказал он. – Сожалею и за себя, и за своего друга.

Хирозе усмехнулся и лукаво посмотрел на Контова своими маленькими глазами.

– Вы, кажется, фаталист? – спросил он. – Верите, что судьба управляет вами?

– Пожалуй, если хотите, это так! – согласился Контов. – А что?

– Я слышал, что вас предупреждали...

– Да!

– И вы все-таки пошли?

– Вот и я скажу теперь вам, что презрение к опасности – тоже одна из национальных черт нашего русского характера.

– Может быть...

Хирозе произнес эти слова так, что в тоне его голоса слышалось скорее сожаление, чем восхищение или даже симпатия.

– Вот видите ли, – после минутного молчания заговорил он, – презрение к опасности есть храбрость. Храбрость же, в особенности если она является национальной чертой, великое дело... Но неужели, если вы будете знать, что около вас бродит тигр, вы не запасетесь хотя бы столь ничтожным оружием, как кинжал? Неужели вы предпочтете пойти на тигра с голыми руками?.. Нет, простите мне, пожалуйста, это не будет храбростью.

– А что же это будет?

– Беспечность в самом лучшем случае...

Контов ничего не ответил. Слова Хирозе он относил непосредственно к самому себе и не мог не сознавать всей справедливости их. Японец тоже молчал, очевидно, заметив, какое впечатление произвели его слова на собеседника.

– Скажите, – заговорил, наконец, он, вероятно, для того, чтобы, не прерывая разговора, изменить его тему, – вы не удивлены?..

– Чему? – обрадовался перемене разговора Контов.

– Тому, что вы слышите свой родной язык из уст типичного японца?

– Я уже привык к тому, что все ваши земляки свободно говорят по-русски.

– Действительно, на наших островах ваш язык в большом употреблении.

– Только он?

– Нет, еще английский... но английский не так распространен.

– Тогда я могу радоваться за успехи моего языка.

Хирозе пожал плечами.

– Тут главным фактором является наше соседство, – сказал он.

– Да, я уже это слышал... Но вот вы? Вы вряд ли ведете с Россией коммерческие дела и вряд ли для вас что-нибудь значит это соседство...

– Я был прикомандирован к нашему посольству в Петербурге, – отвечал Хироze, – мне пришлось даже слушать лекции в вашей военной академии, а это без знания языка страны невозможно!

– Вы жили в Петербурге?

– Да, и сравнительно долго... У меня там осталось много знакомых.

Контов вспомнил, что ему уже говорили о Хироze и о его петербургском романе.

«Адмиральская дочь!» – проскользнуло у него в памяти, но, не желая будить воспоминания, беречь сердечную рану своего нового знакомого, он ограничился лишь тем, что протянул ему руку и с чувством произнес:

– Я понимаю... Я слышал, сочувствую...

Японец смутился и хотел что-то сказать, но Контов с жаром заговорил:

– То, что испытали вы, мне понятно... понятно и близко мне... Я сам переживал и переживаю все муки оскорбленной любви... Но что делать? Что делать? Приходится покоряться, терпеть, какие бы страдания все это ни причиняло...

Хироze ничего не ответил, но как-то особенно посмотрел на Контова и, сухо поклонившись ему, отошел в сторону.

«Что это? Уж не обиделся ли он на меня? – удивился Контов. – За что бы, кажется?»

Однако долго раздумывать ему не удалось.

– Вот и вы, как я вижу, совершенно оправились после вашего припадка, – подошел к нему с обычной для всех японцев улыбкой на устах командир «Наторигавы», капитан Ямака, – рад, очень рад.

Андрей Николаевич смутился и пробормотал несколько слов.

Ямака говорил с ним по-английски, но говорил не так чисто, как все остальные японцы, которых до того приходилось встречать Контову. Тем не менее голос его звучал с ласковой приветливостью, и молодой русский почувствовал, что эти оттенки в интонации подкупающе действуют на него.

– Я тоже рад, – воскликнул он, – что, наконец, покинул эти берега!

– Отчего же? Если вы говорите о Фриско, то там живет нехудо...

– Скажите, – вдруг перебил Ямака Контов, – вы, вероятно, знаете многое, если не все, о тех пассажирах, которые находятся на борту вашего судна.

Ямака польщенно заулыбался:

– О да! За исключением разве что европейцев, но их немного...

– Тогда скажите откровенно, что за человек – ваш земляк Аррао Куманджеро.

Ямака характерно поморщился, немного подумал и спросил:

– Почему вы находите нужным спрашивать меня об этом?

Контов помолчал и задумчиво сказал:

– Видите ли, с господином Куманджеро я только что еще познакомился... Сначала мне показалось даже, что он усиленно ищет знакомства со мною... Может быть, я и ошибался – не знаю! Но вот в чем главное: господин Куманджеро почему-то вдруг возымел ко мне великое благорасположение. Он оказывает мне множество услуг, и я, право, не знаю, чем объяснить себе подобное внимание.

Капитан ответил не сразу, словно ответ на поставленный Контовым вопрос был ему труден.

– Аррао Куманджеро, – произнес он, наконец, – человек, во всем преследующий свою выгоду. Если он любезен с вами, стало быть, он видит в будущем какую-то для себя пользу от вас. Не было бы этого, он не обратил бы на вас внимания. Да вот и он сам выходит на палубу, и мы сделаем лучше, если оставим этот разговор.

14. Предложение

Аррао Куманджеро действительно только что показался на палубе.

Еще у самого каютного люка он закивал головой Контову и Ямака, приветствуя их с наступлением этого радостного, веселого утра.

– Мы уже далеко ушли от этого проклятого Фриско, дорогой капитан, – кричал он, – с каким наслаждением я вдыхаю этот радостный воздух!

– Это воздух наших родных островов, – серьезно заметил ему Ямака.

– Да, да! Но вот между нами иностранец... Как кажется мне, и он испытывает то же чувство... Не правда ли, наш дорогой русский друг?

– Только оно омрачается воспоминанием о вчерашней истории... – заметил Контов.

– Оставьте думать про вчерашнее! – замахал на него руками Куманджеро. – Вы взгляните только на эту беспредельную гладь... Право, океан так величествен, что подавляет собой нас, ничтожных людей... Вот дорогой капитан уже привык его видеть перед собой постоянно, но я уверен, что океан и на него производит то же впечатление... Не так ли, милый Ямака?

Моряк кивнул в ответ головой и отошел в сторону, завидя подходившего помощника.

– Смотрите, – продолжал Куманджеро, не обращая внимания на удаление моряка, – палуба «Наторигавы» начинает оживать... Все досужие иностранцы, которых, впрочем, в этот рейс не особенно много, начинают вылезать из-под дека, чтобы полюбоваться на действительно восхитительный восход солнца... Вы, кажется, о чем-то беседовали с майором Хирозе? – совершенно неожиданно перескакивая с одного на другое, спросил Куманджеро.

– Да, мы познакомились, – ответил Контов, несколько удивленный этим переходом.

– Хирозе – милый, обязательный человек, – заговорил Куманджеро, – он прекрасный патриот, но в то же время чересчур идеалист...

– Разве быть идеалистом – преступление?

– Для японца – почти да. Идеалист – непременно мечтатель. Сознаться, что идеалы существуют только в мечтах... Наш же народ мечтать не смеет, перед ним всегда жестокая действительность.

Контов ничего не ответил; он стоял, опершись о решетку борта, думал теперь обо всем, что случилось с ним, и перед ним сама собой вставала даже не жестокая, а жесточайшая действительность. В самом деле, он очутился в тяжелом, не имевшем, казалось, выхода положении. Проездной билет у него был, вместе с билетом было обеспечено для него заранее внесенной платой и все необходимое – завтрак, обед, чай, утренний и вечерний, но, помимо этого, Контов не мог располагать ничем: все его деньги, все до последней медной монеты исчезли во время ночного приключения, и он положительно не знал, что будет с собою делать, когда очутится на твердой земле.

Контов, хотя и недолго был вне России, но уже в достаточной степени ознакомился с нравами и европейцев и американцев. Он уже знал, что вне России живут по русской пословице: «Каждый сам за себя, один Бог за всех». На сострадательную помощь нечего было бы надеяться, к благотворительности чуждой страны молодой русский никогда не решился бы прибегнуть, а получить работу для иностранца, да еще так скоро, как это было необходимо Андрею Николаевичу, нечего было и думать. Впереди перед Контовым уже рисовался призрак голодной смерти, когда он вдруг вспомнил, что Иванов довольно ясно намекал ему, что Куманджеро намерен предложить им обоим какую-то работу. Тогда, когда это было сказано, Андрей Николаевич даже внимания не обратил на слова товарища, но теперь вспомнил о них и ухватился за них, как утопающий хватается за соломинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.